

Монстры из хорошей семьи

Автор:

[Дарья Донцова](#)

Монстры из хорошей семьи

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #16

У каждого человека своя судьба, свой крест. Вот я, Виола Тараканова, и несу свой – постоянно вляпываюсь в криминальные истории. Довольно обременительно, надо сказать, но если бы не это мое свойство, где бы тогда писательница Арина Виолова – под таким псевдонимом я пишу детективы – находила новые сюжеты? А так они сами меня находят. Например, пошла я в бутик выбрать модную одежду и обнаружила под диваном в примерочной девушку Веру. Интересно, она и правда психопатка, какой кажется, и убийца, как она сама говорит, или... Конечно, «или»! Естественно, все подстроено! Но кто и зачем сводит Веру с ума, да нет – прямиком в могилу? Надо разобраться, а заодно и новый детектив напишется. Итак, начнем сначала...

Монстры из хорошей семьи

Дарья Донцова

У каждого человека своя судьба, свой крест. Вот я, Виола Тараканова, и несу свой – постоянно вляпываюсь в криминальные истории. Довольно обременительно, надо сказать, но если бы не это мое свойство, где бы тогда писательница Арина Виолова – под таким псевдонимом я пишу детективы – находила новые сюжеты? А так они сами меня находят. Например, пошла я в бутик выбрать модную одежду и обнаружила под диваном в примерочной девушку Веру. Интересно, она и правда психопатка, какой кажется, и убийца,

как она сама говорит, или... Конечно, «или»! Естественно, все подстроено! Но кто и зачем сводит Веру с ума, да нет – напрямик в могилу? Надо разобраться, а заодно и новый детектив напишется. Итак, начнем сначала...

Глава 1

Чем плоха пунктуальность? Когда приходишь вовремя на работу, вокруг нет никого, способного оценить по достоинству твое появление в нужном месте с секундной точностью.

Сколько раз я внушала себе: Виола, ты популярная писательница! Какого черта прикатываешь на встречу за десять минут до назначенного часа! Ну не глупо ли? Это, в конце концов, полнейшее идиотство! Самое интересное, что я все хорошо понимаю, но ничего с собой поделывать не способна: если свидание назначено на три, я гарантированно прискачу в два сорок пять, оглянусь по сторонам и спрячусь в укромном месте. А потом, увидев из-за какой-нибудь колонны подходящего к месту randevу знакомого, появлюсь в поле его зрения с самым наивным видом, восклицая:

– О, привет, извини, припозднилась... понимаешь, дел очень много...

Вот и сегодня я приперлась в издательство «Марко» за полчаса до оговоренного часа. И, естественно, ткнулась носом в запертую дверь кабинета начальника отдела пиара и рекламы.

– Федор приедет к полудню, – противно улыбаясь, прощепетала стерегущая вход хорошенькая блондиночка. – Но к нему должна прийти... э... Арина Виолеттова. Вам лучше записаться заранее, у Федора очень напряженный график.

Я скрипнула зубами и пошла к лифту. Какой толк объяснять глупышке, что мой псевдоним звучит иначе – Виолова? Все равно красotka тут долго не просидит: Федор меняет секретарш, словно диски в проигрывателе, и все дурочки на одно лицо – маленькие блондиночки с широко распахнутыми голубыми глазами, не способные запомнить имен авторов. Конечно, можно было устроиться в приемной, плюхнуться на диван, положить ногу на ногу, потребовать кофе и

мирно ждать Федора, перелистывая газету «Книжное дело». Так бы поступил любой нормальный человек. А я предпочла скрыться в туалете, села там на подоконник и уставилась на улицу. Потому что мне не хотелось маячить под изучающим взглядом незнакомой девицы.

Зима в этом году была студеной, мороз порой достигал сорокаградусной отметки, а в те дни, когда ртутный столбик поднимался до нуля, начинал валить снег. Я уж и не помню, когда в Москве последний раз случалась подобная погода. И вот теперь, в качестве компенсации за стужу и пургу, к нам явилась бурная весна. Уже в двадцатых числах марта стало по-летнему тепло, а сегодня, десятого апреля, и вовсе наступила жара.

Я прислонилась спиной к стеклу. Как правило, люди радуются ласковой погоде и солнечным денечкам, но мне подкатывающее лето ничего хорошего не обещало. В нашем доме со дня на день должен начаться ремонт, поэтому забот у бедной Виолы Таракановой (таково настоящее имя писательницы Арины Виоловой) выше крыши: надо упаковать вещи, затянуть мебель пленкой, снять занавески, и так далее. Но все эти задачи, в принципе, легко решаемы, они меркнут перед другой, глобальной проблемой: где жить? Впрочем, еще вчера положение не казалось безвыходно трагичным.

Несколько недель тому назад я договорилась о найме квартиры – вполне симпатичной маленькой «трешки» на Ленинградском проспекте. Конечно, для нашей семьи, состоящей из шести человек, двое из которых дети, сорока восьми квадратных метров маловато, но ведь мы не собирались проводить в этих апартаментах всю жизнь. Предстояло потерпеть всего пару месяцев. В конце концов, трудности только укрепляют характер. Посчитав, что необходимое жилье, так сказать, в кармане, я успокоилась и занялась иными заботами, но сегодня утром позвонила хозяйка «трешки» и совершенно спокойно заявила:

– Виола, вынуждена извиниться, моя квартира не сдается.

– Как? – возмутилась я. – Мы же отдали залог!

– Безусловно, деньги я вам верну, – сухо сообщила дама.

– Что ж мне теперь, искать новый вариант? – не успокаивалась я.

– Это уже не моя проблема! – гавкнула нахалка и бросила трубку.

И вот буквально за считанные часы следует найти другую квартиру. А это, поверьте, совсем непросто. Начнем с того, что она должна находиться между станциями метро «Речной вокзал» и «Сокол», так как Кристина ходит в школу и ей будет неудобно, если временное жилье окажется далеко от учебного заведения. Во-вторых, комнат должно быть не меньше трех, и чтобы кухня была обязательно большая. Третий важный момент – цена. Запредельные деньги мы платить не можем, у нас их попросту нет. Конечно, имеется определенная сумма, но она отложена на ремонт собственной квартиры. И еще: если новое жилье быстро не найдется, виновата буду я, так как именно мне пришлось в голову дать в свое время объявление в газете: «Снимем «трешку» на четыре месяца», после опубликования которого и откликнулась дама, наплевавшая сегодня на твердую договоренность.

Я горько вздохнула, глянула на часы и спрыгнула с подоконника. Одиннадцать сорок восемь. Надо поторопиться, иначе опоздаю! К двери кабинета Федора ноги поднесли меня без пяти минут двенадцать. Я влетела в приемную, увидела блондиночку, мерно жующую жвачку, и снова разозлилась на себя: опять заявила раньше нужного времени. Ей-богу, меня легче пристрелить, чем научить чему-нибудь.

– Федора пока нет, – протянула секретарша. – И ваще, сказала ж! У него встреча с этой... э... Виолкиной!

Я раскрыла рот и набрала полную грудь воздуха. Сейчас спокойным, но каменным тоном объясню этой не слишком хорошо воспитанной, зато обильно накрашенной девице, что являюсь автором «Марко», поэтому мне следует ласково улыбаться и предлагать кофе. И еще доведу до ее сведения, что фамилия стремительно несущейся к супертиражам и славе писательницы, с которой у руководителя отдела рекламы назначена встреча, – Виолова. Мой псевдоним – Арина Виолова, а не Виолкина или Виолеттова! Да, да, сейчас я так все и скажу...

Дверь в приемную громко хлопнула, мое настроение мигом изменилось. Какой смысл воспитывать секретаршу, если можно высказать свое негодование начальству, и пусть оно само «полирует» подчиненную. Я повернулась ко входу, и заготовленная речь застыла в горле. На пороге стоял не Федор. Там маячила полная фигура, затянута во что-то излишне яркое, прямо-таки пожарно-

красное.

- Федька тут? – неожиданно писклявым голосом осведомилась алая гора.

- Нет, – презрительно ответила девчонка, не позаботившись выплюнуть жвачку.

- Не может быть! – фыркнула вошедшая тетка и двинулась напрямик к кабинету начальника. – Небось решил покурить в тишине.

- Вы куда? – вскочила на ноги блондинка.

- Не дергайся, детка, – снисходительно обронила посетительница, – мы договаривались о встрече.

- На какое время? – решила не уступать позиций секретарша. – В полдень к нему Валетова придет.

- Да? – Изогнула кустистые брови гороподобная посетительница. – Мне таковая неведома. И потом... Я – Ангелина Брок. Поняла?

- Вас нет в списке, – упорствовала блондинка, – назовите час встречи.

Брок закатила глаза:

- О боже! Мы договаривались на тридцатое марта!

- Но сегодня десятое апреля, – удивилась секретарша.

- И что? – пожала плечами Ангелина. – Оpoz-дала чуток, право, смешно... Март, апрель, какая разница! Я была в астрале, а как вернулась, так и пришла. Пусть Федька скажет спасибо за то, что я вообще почтила его своим вниманием.

Тут дверь приемной снова хлопнула, и в помещение, распространяя запах дорогого парфюма, ворвался на сей раз Федор.

– Арина, душа моя! – воскликнул он, направляясь ко мне и весьма умело имитируя восторг. – Ты уже тут? Как всегда, слишком вовремя! Чай, кофе?

– Лучше сразу приступим к танцам, – слегка сердито ответила я. – У меня полно дел, у нас...

– Федька! – взвизгнула вдруг Ангелина Брок, нахально прервав нашу милую беседу. – Меня что, тут нет?

На лице рекламщика мелькнуло легкое недоумение.

– Простите?

– Не изображай, что не помнишь наш разговор!

– Да-да, конечно, – закивал Федор, – вы... э... э...

Очи главы отдела по связям с общественностью вопросительно уперлись в секретаршу, но глупая девица и не подумала прийти на помощь начальнику.

– Это Ангелина Брок, – решила я выручить пиарщика.

– Ясное дело, – обрадованно подхватил Федор, – вы пишете детективы!

Щеки дамы сравнялись по цвету с колером ее платья.

– Нахал! – заявила она. – Так оскорбить ученого! Кандидата космологических наук! Профессора Университета аэриобиологической транскрипции, академика Международной академии академических знаний академического разума! Безобразие! Кто у вас тут хозяин бардака?

Последний вопрос Брок адресовала блондинке.

– Не знаю, – пискнула секретарша, потом бочком протиснулась к двери и позорно бежала в коридор.

Федор ласково заулыбался и попытался исправить положение:

– Уважаемая Ангелина, я имел в виду, что ваши книги захватывают читателя, как детективы.

– Это плевок в лицо! – посинела дама.

– Извините, – начал мести хвостом рекламщик, – неудачное сравнение.

– И откуда вы знаете про мои труды?

– Ну кто же не читал Ангелину Брок, – склонил набок голову Федор.

– Да, действительно, – слегка притихла дама. – Вы сейчас изучите мою рукопись, и обсудим формат издания. Работа невелика, всего семьсот пятьдесят страниц. Предупреждаю сразу: я человек интеллектуального космического эгрегора, земное меня касается мало, вопрос о гонораре практически не волнует, готова согласиться на любые копейки. Короче, полмиллиона долларов – и мои мысли ваши.

Раздалось шарканье, и в приемную протиснулся Олег Левитин – приятный темноволосый мужчина, больше всего похожий на профессора, вернее, на тот образ большого ученого, который нам демонстрируют в кино. У Олега голубые глаза, прячущиеся за нелепой старомодной роговой оправой, торчащая во все стороны борода и далеко не шикарный, к тому же сильно мятый костюм. Галстук Олег не носит принципиально, чаще всего у него под пиджаком пуловер или водолазка.

До сих пор, сталкиваясь с Левитиным в коридорах «Марко», я впадаю в изумление. Поясню. В издательстве имеется некая инструкция, с которой непременно знакомят новичков. В бумаге четко сказано: внешний вид сотрудника должен отвечать пафосности конторы. Женщинам запрещены мини-юбки, а явиться на службу без колготок невозможно даже в жарком августе. Маникюр, педикюр, укладка и легкий макияж обязательны. Для мужчин необходим костюм, причем хорошего качества, безукоризненно чистый, идеально выглаженный, а лицо гладко выбритое, и никаких там усов. Короче говоря, если встретишь в коридорах «Марко» нелепое существо в ярко-голубых джинсах, в валенках с калошами и с дыбом торчащими, уж неделю как не

чесанными волосами, то стопроцентно можешь быть уверен: перед тобой не редактор, не корректор, не секретарь и не сотрудник пиар-отдела, то есть не работник издательства, это – автор. И кто мне объяснит, отчего Олегу Левитину преспокойно разрешают нарушать правила? Одна его борода с застрявшими в ней крошками от завтрака должна, по идее, вызвать ярость у начальника отдела кадров.

– Здравствуйте, Виола Ленинидовна, – ласково улыбнулся Олег. – Похоже, ваш ремонт еще не начался, желаю мужества.

– Спасибо, – слегка удивленно ответила я.

Интересно, откуда Левитин узнал о предстоящей в моей жизни катастрофе? И еще, он, похоже, единственный человек, способный правильно произнести мое отчество – Ленинидовна.

– Боже, я, кажется, вижу Ангелину Брок! – отступил на шаг назад Олег. – Невероятно! Такой человек... у нас... запросто... Господи! Федор, разреши, похищу твою гостью? Не может же она стоять тут, в приемной. Пойдемте скорей в нашу супер-VIP-гостиную, там и поговорим! Вы, наверное, предпочитаете зеленый чай? Он проводник космической энергии.

– Ужасная безграмотность, – моментально накинулась на Левитина Ангелина. – Чай – жидкая смерть.

– Мы просто обязаны поговорить об этом! – ажиотированно воскликнул Олег и, уцепив толстуху под руку, легко утащил ее в коридор.

– Идиотка! – накинулся на вернувшуюся секретаршу Федор. – Отчего сразу за Левитиным не побежала? Тебя чему учили: если пришла сумасшедшая – мигом за психологом. А ты что? Рот разинула!

Ах, вот оно что... Только сейчас до меня дошло, отчего Олегу разрешено появляться в коридорах издательства в столь экзотическом виде: Левитин – мастер по улаживанию скандалов, он успокаивает и деликатно выпроваживает вон малоадекватные личности типа Ангелины Брок. А людей с левой, так сказать, резьбой в «Марко» рвется толпа, сразу и не разберешь, кто из них автор будущих бестселлеров, а кто вырвался на время из психушки.

– А ну иди сюда! – рявкнул Федор теперь на меня и втянул в свой кабинет. – Садись, лапа, и слушай. Не скрою, разговор нам предстоит тяжелый и неприятный.

У меня подломились ноги, тело плюхнулось в противно-холодное кожаное кресло, на лице помимо воли наверняка возникло выражение описавшейся в гостинной кошки. Стало так страшно, что сердце заухало и заколотилось в груди, словно пойманный лисой филин.

Так и быть, открою вам секрет. Писатели, при всем своем внешне уверенном виде, на самом деле люди сомневающиеся. Все эти растопыренные пальцы, гордо задранный нос и фразы типа: «Я величайший прозаик современности» – на самом деле прикрывают огромный комплекс неполноценности. Большинство литераторов испытывает стресс, неся рукопись издателю: а вдруг откажут в напечатании бессмертного опуса? Конечно, можно все равно считать себя суперпупергением, только если, скажем, «Марко» выставит тебя вон, то куда деваться? Рыскать по другим конторам? А если и там, мягко говоря, пошлют по известному адресу? Что тогда – напечатать свое дивное произведение на принтере и раздавать по знакомым? Утешаться мыслью о собственной необыкновенности? Воскликать: «Я слишком умен и хорош для массового читателя, тупого и малообразованного»? Но ведь любому писателю хочется еще денег и славы, этих двух составляющих литературного труда. Поэтому без издательства автору никак нельзя.

Стороне, которая печатает книги, тоже необходим автор. Большая часть издательств мечтает о суперработоспособном человеке, способном писать по восемь романов в год, которые народ начнет хватать, словно булочки в голодный месяц. Но, увы, литераторы чаще всего ленивы, сдают рукописи не вовремя, требуют за них непомерных денег, хамят редактору и пьют горькую. Алкоголиков среди прозаиков и поэтов тьма. Иногда, даже несмотря на рейтинговость литератора, издательство не выдерживает и разрывает отношения с особо противной личностью. В борьбе писатель—издатель, как правило, побеждает второй. Я могла бы сейчас назвать вам фамилии некогда весьма успешных авторов, сгинувших в безвестность из-за собственных гадких пристрастий или неумеренной тяги к скандалам. Да, в мире книжного бизнеса жестокая конкуренция, топового автора, не стесняясь, будут переманивать, но... Дурная слава имеет быстрые ноги, и если, к примеру, до издательства «НРБ» дойдет, что писатель N, переругавшись из-за гонорара с «Марко», сбегал в некую организацию и наслал на своих бывших «хозяев» налоговую полицию, то,

несмотря на успех книг писателя N, «НРБ» не захочет иметь с ним дело. Да оно и понятно, почему – кому нужен отвязный скандалист, правдоруб, «борец за справедливость», искатель контрафактных тиражей?

Я в этом смысле не исключение. То есть я ужасно боюсь оказаться за бортом «Марко». Правда, характер у меня не революционный, но вот рукописи задерживаю часто, нарушаю сроки, указанные в контракте... Все, кажется, терпению «Марко» пришел конец.

– Моему терпению пришел конец! – рявкнул Федор.

Я зажмурилась и постаралась слиться с креслом. Вот он, самый страшный и черный момент в моей жизни. Хотя, если вдуматься, ничего ужасного, ну не получилось забраться на вершину, как, скажем, писательнице Смоляковой... И что теперь, умирать, что ли? Работу себе я найду...

– Отвечай немедленно, – затопал Федор, – что на тебе надето?

Я, ожидавшая чего угодно, кроме этого вопроса, икнула и ответила:

– Ну, джинсы.

Федор тяжело вздохнул:

– Очень правильный ответ, именно «ну, джинсы». Что это за фирма такая «ну, джинсы»? Где откопала замечательные тинейджеровские штанишки? Ты хоть понимаешь, что у тебя на задку написано?

– Да, – закивала я. – Написано: «Охраняйте природу».

– Сама перевела?

– Нет, – честно призналась я. – Английским не владею, продавец сказал.

Федор схватил со стола газету «Желтуха» и начал обмахиваться ежедневным изданием, которое приличный человек побрезгует взять руками без перчаток.

- Нет, киса, - прошипел он, - там вышито: «Пошли все сюда».

Я закашлялась. Неужели и правда? Теперь понятно, почему Кристина, провожая меня сегодня в издательство, воскликнула:

- Прикольные джины! Где взяла?

- А твой пуловер с вышитой собачкой... - начал вновь брызгать слюной Федор, - а сережки из дерьма... а часики за сто рублей... и еще баретки... Боже ж мой! Ну в какой лавке ты раздобыла эти розовые говнодавы с зелеными шнурками? А? Немедленно отвечай!

Мне стало обидно до слез.

- Знаешь, моя одежда - это моя одежда!

- Ошибаешься, лапа, - широко улыбнулся Федор. Потом он швырнул на стол «Желтуху» и велел: - А ну читай! Как раз про свою одежду!

Глава 2

Сначала мои глаза увидели фото: щуплый ребенок, одетый в нелепые сапожки на платформе, слишком широкие брюки и излишне свободный пуловер, держит в руках книгу. Девочке явно следовало сходить к парикмахеру, потому что волосы у нее стояли дыбом. Шестиклассница напоминала испуганную кошку (если видели когда-нибудь, как та ошетиливает шерсть при появлении внезапной угрозы, то поймете, о чем сейчас речь). Еще жаль, что подростки не желают слушать ничьих советов: сними девочка отвратительно растянутый свитерок, смотрелась бы вполне симпатично. Потом я внезапно поняла, что школьница держит не слишком чистой лапкой мою новую книгу, и тут же воскликнула:

- Какая милая девочка!

- Кхм, - закричал недовольно Федор, - снимочек потом позыришь, текстуху изучи.

И я начала читать статью. «Сегодня в книжном магазине «Медведково» прошла презентация новой книги Арины Виоловой «Груша для Золушки». Мы пока ее детектив не читали, но думаем, что найдем под обложкой все тот же набор: любовь-кровь-морковь – госпожа Виолова вечно тянет одну жвачку. Но сейчас не хотим обсуждать литературные достоинства нетленки, в конце концов, дюдик нас не удивит, поразило иное. Госпожа Виолова прибыла на презентацию в не слишком новых «Жигулях». Конечно, подобный патриотизм похвален, но, если учесть, что даже девочка из отдела продаж «Марко» прирулила на новенькой иномарке, то у вашего корреспондента возник вопрос: правда ли, что в «Марко» существуют две звезды – Смолякова и Бустинова, огребающие гонорары лопатой, а остальным авторам, так сказать, подзвездкам пятой категории, не хватает даже на кефир? Еще меня, человека весьма далекого от фэшн-бизнеса, удивил прикид литераторши и ее, с позволения сказать, драгоценности – пластиковые висюльки в виде собачек. Да, видно, у издательства «Марко» совсем плохо идут дела. Напомним вам, наши любимые читатели, что Арина Виолова сейчас на взлете, по сведениям «Желтухи», ее имя возглавляет список авторов, так сказать, второго эшелона. И что, у нее нет дублонов на одежду? Очевидно, «Марко» собирается пойти ко дну.

Кстати, у нас новая фишка: мы с этого номера начинаем публиковать снимки знаменитостей с указанием фирм и цены их одежды. См. фото».

Я, переваривая прочитанное, вновь устремила взор на снимок и только сейчас увидела тоненькие красные линии, ведущие к фигуре девочки, – около каждой черты имелась рамочка с порядковым номером. А ниже был напечатан следующий текст.

«1. Голова. Стрижка сделана в парикмахерской на вокзале, примерная цена 200 руб.

2. Свитер. Фирма не определяется. Может, самовяз или подарок любимой бабушки. Если второе предположение верно, то оно хоть как-то оправдывает появление в гардеробе писательницы этой «стильной» вещички. Цена – около трехсот рублей.

3. Джинсы. Страх смотреть! Сняты с мужа! Скорей всего, фальшивый бренд, сшитый на коленке, в подвале, вьетнамцами. Цена – 200 руб.

4. Обувь. Баретки из кожзама, щедро украшенные кнопками. Цена – 150 руб.

5. Украшение – серьги в виде пуделей. Ваш корреспондент обнаружил подобные в подземном переходе у метро. Цена – 20 руб.

Итого: 870 рублей.

Нижнее белье оценить не можем, но, думаем, оно соответствует верхнему прикиду.

Ах, «Марко», как вам не стыдно! Заплатите Виоловой хоть раз тысячу баксов, пусть бедняжка позволит себе ботиночки из натуральной кожи. Да, кстати, скоро у Арины день рождения. Мы, сотрудники «Желтухи», люди не жадные и к тому же жалостливые, поэтому приготовили нищей писательнице щедрый подарок: шикарные бриллиантовые серьги, которые непременно вручим ей в нужный день».

Газета выпала из рук.

– Офигеть... – вылетело изо моего рта.

– Ты наш позор! – загремел Федор. – Немедленно вытащи из ушей собачью мерзопакость! Где брюлики, а?

– У меня их нет.

– Почему?

Хороший вопрос.

– Ну, потому, – понуро ответила я, – что на ремонт копила... И вообще, зачем мне камни?

– Действительно, – скривился Федор, – если нацепить на дворняжку золотой ошейник, вид станет еще хуже. Так! Теперь все меняется: внешность, поведение. Имей в виду: мы собираемся дотянуть Виолу до уровня Бустиновой, грядет широченная рекламная кампания, и никак нельзя позволить...

Упади мне сейчас на голову потолок, я бы и то удивилась меньше.

– Значит, меня не выгоняют из «Марко»? – промямлила я, не веря своему счастью.

Федор всплеснул руками:

– Нет, вы только полюбуйте на нее! Подобрали на помойке, отмыли, отчистили, допинали, несмотря на сопротивление объекта, почти до звезды, и вытурить? Подарить другим уже почти ограненный бриллиант? Нет, лапа, теперь ты станешь отрабатывать мои старания. Значитца, так! Ездишь на иномарке – скромной, маленькой, очень милой, типично женский вариант. И если кто-нибудь из журналюг, сунув тебе под нос микрофон, поинтересуется: «Арина, отчего рулите не на «Бентли»?» – ты сделаешь гримасу... Ну-ка, изобрази легкое презрение! Давай начинай!

Я подняла брови, вытянула губы, выпучила глаза.

– Не верю, – покачал головой Федор. – Это морда больной поносом игуаны. Ладно, нельзя требовать от человека всего сразу. Дома потренируешься у зеркала. Запомни: главное тут не выражение лица, а тон. На выдохе произносишь: «В нашем безумном мегаполисе не найти места для парковки. И потом – я не люблю выделяться». Усекла, лапа?

– В принципе, да, но есть неясности, – вздохнула я.

Федор схватил бутылку с минералкой.

– Какие, песня души моей?

– Где взять маленькую, милую, симпатичную иномарку, да еще и типично женский вариант?

– А, это фигня... Глянь в окно... – меланхолично заявил рекламщик.

Я подошла к огромному стеклу и закричала:

- Ой, ой, там...

- Что? - поперхнулся водой Федор.

- Мою машину уволакивает эвакуатор!!!

Федор тоже подошел к окну и хмыкнул:

- Ну правильно, металлолому место на свалке.

- Но...

- Вон твоя новая тачка.

- Где?

- Слева, у будки охраны.

- Где? - растерянно повторила я.

- Протри глаза! Неужели не видишь? - начал злиться Федор.

- Маленькую миленькую иномарку? Нет.

Федор положил мне руку на плечо и принялся командовать:

- Перемести взор левее, еще, еще, во!

- Но это джип! Здоровущий, как троллейбус!

- Конечно.

- Ничего себе, маленькая миленькая иномарка!

- Хочешь сказать, плохо выглядит?

- Нет, но...

- Что теперь не так?!

- Думала... э... Но я не умею ездить на такой!

- Ерунда, крути рулем, и все.

- Там же, наверное, автоматическая коробка передач.

- Ага, на одну педаль меньше. В общем, так: соберешься домой, Женька, наш шофер, объяснит тебе, как ставить рычаг, и все дела.

- Но...

- Еще что? Слушай, ты мне надоела со своими дурацкими капризами!

- Но...

- Спорить бесполезно. Металлолом уже уволокли.

- Я не планировала покупать джип.

- Он тебе достается просто так.

- В смысле - даром?

- Да. Машина не новая, но в отличном состоянии, техобслуживание станешь проходить по этому адресу.

Жестом фокусника Федор бросил на стол визитку.

- Но...

– Замолчи! Твоя задача везде появляться на этих колесах, а в интервью ненавязчиво говорить журналистам марку своего автомобиля.

– Ага, – закивала я, – ясненько.

– Не вздумай выронить хоть слово критики о тачке! – предостерег Федор. – Что ж, одну проблемку решили, теперь подкатила вторая. А с ней, моя лапа, мы поступим таким образом: садись сейчас в авто и рулишь в бутик «Зубастый арбуз». Там госпожу Тараканову ждут с распростертыми объятиями и уже приготовили кучу шмоток.

– Но...

– Снова-здорово!

– Но...

– Замолчи, позор издательства!

– Но...

– Что еще?

– У меня в кошельке всего сто рублей, – призналась я.

Федор почесал пальцем нос.

– Привычка не иметь с собой налички выдает богатого человека. Многие держатели карточек забывают о необходимости класть в кошелек живые купюры. Если ляпнешь при журналюгах об отсутствии ассигнаций, плохо не будет, это я тебе говорить разрешаю.

– Извини, но...

– Мне надоело твое ноканье!

- В моем кошельке отсутствует кредитка.

- Почему? Дома забыла?

- Просто... ее у меня нет.

Федор вытаращил глаза:

- В смысле? Как - нет? Потеряла?

- Я ее не заводила.

Рекламщик сел за стол, потер затылок и устало поинтересовался:

- Прости, Арина, что вмешиваюсь в интимные дела, но скажи мне, где складируешь деньги? Я в курсе, сколько тебе платит «Марко». Куда девашь гонорары?

Я стала загибать пальцы:

- Покупаю продукты, всякую ерунду для дома, вещи... Сейчас надумали делать ремонт, в планах - приобретение дачи. Понимаешь, в нашей семье основным добытчиком был Семен, муж Томочки, но сейчас его дела идут не слишком хорошо, поэтому финансовым столпом стала я, и...

- А где же держишь заныканное? - перебил меня Федор.

- В банке из-под печенья, - после некоторого колебания ответила я.

Рекламщик уставился на меня, потом моргнул, раз, другой, третий.

- Из-под какого... печенья? - наконец выронил он.

- Шоколадного, - потупилась я. - Очень удобная тара, легко закрывается, стоит у меня в шкафу, и вообще...

Федор схватился за телефон:

– Алле, банк? Это кто, Катя? Ой, прости, Лидочка, вечно я вас путаю. Котик мой, мы немедленно заводим в вашем VIP-отделе карточку, голдовую, на имя Виолы Ленинидовны Таракановой. Нет, имя ее папы не Ленин, а Ленинид. Хорошо, хорошо...

Швырнув трубку на стол, Федор прошипел:

– В магазин все равно поедешь, там тебе отпустят в долг. Хотя... Нет! Стой!

Резво вскочив, начальник отдела распахнул сейф, вытащил из железного шкафа пачку банкнот и рявкнул:

– Вот, держи! Завтра надеюсь увидеть тебя в приличном виде.

– Нужно столько потратить на шмотки?!

– Тут не много, – успокоил Федор.

Я мысленно оценила пачку. Ага, совсем копейки. Похоже, тысяч сто. Рублей, слава богу, а не долларов.

– Завтра ровно в полдень, – мерно вещал Федор, – жду тебя здесь. В час у нас съемка для новой рекламной кампании.

– Ой, а можно перенести?

– Почему?

– Ну... у нас ремонт, в общем...

– Ты сама решила красить потолки? Из пылесоса?

– Нет, нет!

– И на том спасибо. Но тогда не понимаю, что помешает завтра заняться работой?

– Нам негде жить! – выпалила я.

Федор застонал, потом взял бутылку воды, залпом осушил ее, швырнул пустую тару в корзинку, не попал и горестно констатировал:

– Денек неплохо начинается. Ладно, сейчас же подробно излагай беду. Только материала в «Желтухе» под названием «Виолова – бомж» мне для полного счастья не хватает!

Около двух часов дня я, вспотевшая от нервного напряжения, оказалась у бутика с идиотским названием «Зубастый арбуз». Только женщина, еще утром мирно рулившая на милых сердцу, совершенно родных и досконально изученных «Жигулях», а в полдень сидящая за баранкой пафосной иномарки, сумеет меня понять. Издательский шофер Женя дал госпоже Таракановой наспех урок вождения транспортного средства с автоматической коробкой передач и усвистел по своим делам. Я кое-как вскарабкалась на сиденье и вцепилась в руль. Длины моих рук и ног явно не хватало, чтобы комфортно расположиться на водительском месте, пришлось начинать движение, устроившись на самом краю кресла.

Первые минуты я ощущала себя водителем троллейбуса – земля оказалась далеко внизу, а окружающие машины превратились в крошек. Потом стало понятно, что ничего особо сложного в «автомате» нет, вот только левая нога, которой теперь следовало мирно отдыхать на специальной подставке, постоянно нажимала на педаль отсутствующего сцепления.

Подъехав к Ленинградскому проспекту, я притормозила и стала ждать, пока в плотном потоке машин образуется достаточное пространство для того, чтобы вклиниться в движущуюся бесконечную ленту автомобилей. Мне несвойственно агрессивное поведение на дороге, и еще я трезво оцениваю свои водительские способности, поэтому сейчас спокойно маячила на углу маленького переулочка.

Внезапно симпатичная серая «девятка», ехавшая в крайнем правом ряду, притормозила и поморгала фарами. Решив, что водитель желает спросить у

меня дорогу, я попыталась опустить стекло, не нашла ручку, открыла дверь и крикнула:

– Чем могу помочь?

Из «Жигулей» высунулся мужик лет сорока. Улыбнувшись во весь рот, он проорал:

– Поворачивайте, девушка!

Впав почти в шоковое состояние, я вырулила на проспект. Зря, однако, говорят, что все мужики на дороге хамы, встречаются же милые, интеллигентные, хорошо воспитанные люди. Вот сейчас мне любезно помогли повернуть! Дядька находился на главной дороге, я стояла на второстепенной, он мог катить себе спокойно, не обращая внимания на окружающих. Ан нет, притормозил, пропустил. Пустячок, а приятно.

Порадовавшись небывалой удаче, я сосредоточилась и поняла, что скоро предстоит повернуть налево. Вообще говоря, я избегаю езды в левом ряду, считаю, что он предназначен для лихих парней на машинах с «крякалками» и стробоскопами, и всегда, оказавшись на скоростной полосе, моментально начинаю испытывать дискомфорт, потому что мне все незамедлительно гудят. Один раз я чуть не лишилась чувств, когда сзади из джипа с полностью тонированными стеклами прогремел командный голос:

– Эй ты, металлолом, немедленно подай вправо!

Но сейчас-то альтернативы не было, на втором перекрестке следовало повернуть. Отчего я заранее начинаю подготовку к маневру? Да кто ж пропустит меня непосредственно у перекрестка? Сколько раз я прокатывала мимо нужного поворота, и приходилось потом искать место разворота, возвращаться назад.

Пальцы нажали на рычаг «моргалки», я скосила глаза на зеркало заднего вида и чуть на тормоза не нажала от невероятного изумления: ярко-голубая иномарка, летевшая в левом ряду, сбавила скорость – она явно пропускала меня. В полном шоке, я очутилась там, где с бешеной скоростью перемещаются лишь те, кому наплевать на правила и всякие там ограничения. Сейчас начнется! Втянув голову в плечи от страха, я прибавила газ. Ужас, я же не способна лихачить! На

данном этапе стрелка спидометра качалась около числа «шестьдесят», и для меня это просто гонки «Формулы-1». Уши проготовились уловить гудки, «кваканье» и ругань, но отчего-то сзади стояла тишина.

Трясаясь от напряжения, бесконечно дергая левой ногой и удерживая на руле правую руку, все время так и желавшую схватить рычаг переключения скорости, я увидела красный сигнал светофора, остановилась и моментально оценила ужас своего положения. Сбоку горела зеленая стрелочка, но мне поворачивать налево не сейчас, а на следующем перекрестке. Следовало пока ехать не в крайнем левом ряду, а в соседнем и перестроиться, миновав это пересечение дорог. Но я не умею бойко совершать маневры, вот и позаботилась пораньше. И что вышло? Теперь мешаю остальным, тем, кому надо поворачивать с проспекта здесь. Ой, мама! Ну, держись, Вилка!

Стараясь стать совсем незаметной, я прижалась к рулю и несколько секунд просидела в ожидании неминуемого скандала. Потом осторожно кинула взгляд в зеркальце и оторопела от изумления: за моей машиной выстроилась длинная очередь из моргающих поворотниками разнокалиберных тачек. Но почему они молчат, не гудят, не матерятся? Не открывают окна и не орут: «Мартышка за рулем страшнее обезьяны с гранатой!»? Что сегодня случилось на дороге? Меня два раза пропустили мужчины, а теперь люди поняли, что не собираюсь уходить влево, и никак не реагируют!

Пальцы начали лихорадочно тыкать в кнопки приемника. Может, какая-нибудь радиостанция проводит конкурс «Сто тысяч долларов самому вежливому шоферу»?

Светофор поменял цвет, я двинулась вперед. В общем, до «Зубастого арбуза» я добралась почти в обмороке. Меня еще три раза пропустили в нужные ряды, а парковщик у бутика, вместо того чтобы вяло махнуть рукой, указывая на свободное место, кинулся отодвигать оранжевые пирамидки, ограждавшие пространство для супер-VIP-клиентов с такой скоростью, что зацепился ногой за выбоину в асфальте и упал.

Липко-приветливые продавщицы магазина отобрали для писательницы гору вещей, подавляющая часть из которых мне сразу активно не понравилась.

- Вон те джинсы с дырками точно не хочу, - попыталась я оказать сопротивление. - Они выглядят так, словно в них как минимум трое бывших владельцев умерло!

- Ну что вы! - закатила глаза девушка с бейд-жиком «Нина». - Это же сам Маринелли.

- Кто? - рискуя показаться дремучей деревенщиной, осведомилась я.

- Маринелли, - с придыханием повторила Нина.

- Но штаны рваные!

- Их специально разодрали.

- И грязные, - не успокаивалась я.

- В этом вся соль, - вздохнула Нина. - Маринелли лично каждую вещь обрабатывает.

Я глянула на ценник и онемела. Извините, конечно, если ляпну сейчас глупость, но, по-моему, можно купить обычные джинсы, нарезать в них дырок, потом поползть в штанах по битым кирпичам, и дело в шляпе, получится вылитый Маринелли, только не за такую астрономическую сумму.

- Вы померьте, - настойчиво порекомендовала Нина, - сидят изумительно. А еще вон ту кофточку, юбку в горошек, блузку...

Продолжая тараторить, Нина довела меня до примерочной кабинки, развесила на крючках вешалки и закрыла двери. Я осталась одна и принялась озираться. Местом для примерки новых нарядов тут служила почти десятиметровая комната, обставленная с помпезным шиком: уютный диван, прикрытый пледом, маленький столик на резных ножках, кресло и, конечно, зеркальные стены.

Вздыхнув, я пощупала вещи. Ну и чем они отличаются от тех, что надеты на мне? Лишь фирменными ярлычками. Значит, бешеные, абсолютно невозможные для себя деньги я отдам за лейбл. Может, соврать Федору? Надеть собственную одежду, а ему сообщить с самым серьезным видом: «Вот купила штаны от Биренелли».

Или модельера кличут Киренелли? Неважно, имечко-то я выучу. Но Федор – человек недоверчивый, мигом полезет проверять фирменный знак. Кстати, дядечка, придумавший драные штаны, очевидно, просек фишку и нашел на свое изделие штук восемь белых ярлычков с фамилией. Неужели придется отдавать мешок рублей за откровенное барахло?

Огромная жаба навалилась на госпожу Тарakanову всем своим пупырчатым телом. Я попыталась отбиться от земноводного, но оно душило меня, приговаривая: «Вилка, в этих штанах нет ничего, кроме пафосной торговой марки, не вздумай платить за них немереные тысячи».

Ощувив безвыходность положения, я шумно вздохнула... и тут же поняла, как следует поступить. Руки быстро раскрыли сумочку. Будучи человеком предусмотрительным, всегда ношу с собой минимум нужных вещей, в частности, пилочку для ногтей. Сейчас я с ее помощью отпорю пару-тройку ярлычков и нашу потом на свои брючата. Вот и выход из положения: и волки сыты (Федор будет доволен, я не премину ткнуть ему в нос лоскутик с надписью «Маринелли»), и овцы, то есть деньги, целы. Надеюсь, в этой кабинке нет камер и никто не увидит литераторшу Арину Виолову, занятую неблагоприятным делом?

Ловко орудуя пилкой, я принялась освобождать вещи от явно лишних ярлычков и прятать их в сумочку.

– Апчи... – внезапно прозвучало за спиной.

Я в ужасе уронила орудие преступления и обернулась:

– Кто там?

В ответ никаких звуков, но через секунду послышался деликатный стук в дверь и нежный голосок Нины:

- Вы меня звали? Нужна помощь?

- Нет, спасибо, - крикнула я, быстро наступая на пилку, - сама справлюсь! Или кому-то нужна кабинка?

- Что вы! - воскликнула Нина. - У нас полно свободных помещений, можете хоть до утра заниматься примеркой. Для писательницы Арины Виоловой в нашем магазине нет никаких ограничений.

Я наклонилась, подняла пилку и села на диван. До утра? Ну уж нет, надеюсь скоро покинуть бутик. В нем работают милые, приветливые продавцы, к ним никаких претензий нет, вот только вещи, в нем продающиеся, невесть почему приводящие в восторг Федора, вызывают у меня дрожь. Причем трясет меня не только от вида шмоток, но и от их цены!

- Апчхи... - снова разнеслось по примерочной. Но на этот раз стало абсолютно ясно: звук исходит из-под диванчика, где уютно устроилась я, быстро отпарывая очередной лейбл.

Так вот, значит, как относятся к покупателям в «Зубастом арбузе»! Спрятали в примерочной наблюдателя!

Забыв про пилку, я живо заглянула под сиденье и увидела распластавшуюся на пыльном полу тоненькую фигурку.

- И сколько тебе платят за подобную работу? - прошипела я. - Отличная служба! Лежишь себе под диваном спокойненько и подглядываешь... Кстати, передай своему начальству, что уборщица должна как следует мыть полы, иначе каждый раз будет случаться такая вот ерунда, как сейчас.

- Пожалуйста, тише, - прошептала девушка.

- Ага! - закивала я. - Еще скажи, что шпионку выгонят вон, так как покупательница заметила топорную слежку, и твои дети в количестве пяти штук, бедные маленькие сиротки, которых ты воспитываешь без отца, умрут от голода!

– Умоляю, не кричите!

– Нет уж! Сейчас потребую сюда управляющего! – окончательно перестала я владеть собой. – Пусть он объяснит...

– Я не продавщица, – судорожно прошептала девушка.

– А кто?

– Ну... Вера.

– Вылезай немедленно! – скомандовала я. – Значит, папарацци. Из какой газеты? Где фотоаппарат? В сумочке? Лучше сама вынимай. Ты на кого работаешь? На «Желтуху»? Понятненько... Теперь ясно, каким образом собираете информацию. Из «Марко» позвонили в «Зубастый арбуз» и предупредили, что писательница Арина Виолова явится за покупками, одна из продавщиц стукнула в «Желтуху», и вот ты залегла под диваном. Ну что, много интересного наснимала?

Послышался шорох, девушка выползла из-под дивана и прошептала:

– Я не журналистка. Я работаю в библиотеке.

– И сейчас хотела предложить мне стихи Пушкина?

– Очень прошу, не поднимайте шума! Иначе вызовут милицию и... и... и...

По щекам девушки горохом покатались слезы, а в дверь примерочной снова постучали.

– Вам помочь? – раздался голос Нины. – Если размер не подходит, живо принесу другой.

Я разинула рот, и тут Вера схватила меня за руку. В глазах девушки стояло такое отчаяние, что заготовленные мной слова застряли в горле, и вместо них я внезапно гаркнула:

- Вы не даете мне как следует произвести примерку! Прекратите ломиться сюда!

- Извините, - пискнула Нина.

- Спасибо, - шепнула Вера и села на краешек дивана. - Я чуть не умерла, когда вас сюда привели. Затаилась, рот зажала, но все равно чихнула.

- А зачем ты залезла под диван? - сурово поинтересовалась я.

Вера шмыгнула носом.

- Из-за носового платка. Он там лежал, вот, видите?

Я бросила взгляд на скомканную тряпочку, покрытую пятнами, и сдвинула брови.

- Ерунда какая-то! Нет, ты, наверное, папарацци.

- А вы правда писательница Арина Виолова? - поинтересовалась Вера. - Видела передачу по телику, рассказывали там, что все ваши книги документальные. Ну, вроде преступления случились на самом деле, а вы их раскрыли. Так?

- В принципе, да, - осторожно ответила я. - А что?

- Это точно вы? - засомневалась Вера. - На экране вы по-другому смотрелись.

- Хороший у нас разговор получается, - усмехнулась я. - Я не верю тебе, ты не веришь мне...

Глаза Веры снова наполнились слезами, она забормотала, одни слова глотая, а другие чуть ли не выкрикивая:

- Помогите... я... убила человека... случайно... не хотела... не знаю как... но точно... теперь прячу... вот... платок... не понимаю... не... не... не... Я его не убивала! Но убила! Совсем... насмерть... Пожалуйста, помогите!

Все, что девчонка говорила, было больше похоже на бред, поэтому меня удивило другое.

- Как ты сюда попала? - спросила я.

- В торговом зале народ был, - зашептала Вера, - а потом продавщицы ушли, и я тихонечно в кабинку просочилась. Думала, платок схвачу и назад. Залезла под диван и поняла: вот дура! Ну кто мешал прикинуться клиенткой, зайти с платьем, забрать его и мирно уйти, мол, не нравится модель! Только у меня от ужаса паралич наступил, вот и наваляла глупостей, залезла тайно. А тут вы...

- Вам помочь? - снова проявила за дверью активность Нина.

- Сейчас отвлеку продавщицу, - шепнула я, - а ты беги к выходу и жди меня.

Вера кивнула и отступила к стене, а я распахнула створку, полностью прикрыв ею библиотекаршу. Потом сгребла вещи, вышла в зал и сердито сказала Нине:

- А ну, идите сюда!

- Куда?

- Подальше от кабинки, в ней дует.

- Не может быть!

- Очень даже может, - фыркнула я, оттесняя Нину в противоположный угол магазина, - из всех щелей сквозняком так и тянет. Вот, уже простудилась, кха, кха, кха. А еще вы постоянно лезли, стучали! Отвратительно! Ничего не желаю тут приобретать!

- Просто предлагала помощь, - принялась оправдываться Нина, - думала...

- Я же требовала оставить меня в покое, так нет же...

- Но...

- Прощайте, - гордо заявила я и, сунув огорченной Нине ворох произведений безумного дизайнера, побежала к выходу.

Вера стояла, привалившись к стене, недалеко от магазина.

- Что делать? - прошептала она. - Что? Меня посадят на электрический стул?

- В России мораторий на смертную казнь, - попыталась я слегка взбодрить перепуганную донельзя девушку. - Да и электрический стул используют не у нас, а в США, причем не во всех штатах. Кое-где предпочитают более гуманный вид казни - инъекцию яда.

- Какой ужас! - просипела Вера. - Но что мне делать?

- Кого ты убила? - поинтересовалась я.

- Кирилл, - еле слышно ответила Вера. - Только я его не убивала! Но убила. А он видел! И теперь... теперь... должна... Ну почему так случилось? Неужели от анальгина? Не может быть... Он... Улик полно! Ничего не помню. Понимаешь? Понимаешь? Понимаешь?

Она схватила меня за плечи и затрясла, словно бутылку с застоявшимся кефиром. Руки Веры были такие ледяные, что я даже сквозь куртку и кофту ощутила холод.

- Понимаешь? Понимаешь? Понимаешь? - с упорством безумного человека повторяла девушка.

Я вывернулась из ее цепких пальцев и честно ответила:

- Пока нет, не понимаю. Попробуй ясно и последовательно изложить факты.

Вера вздрогнула.

- Ты ведь мне поможешь? - с надеждой спросила она. - Знаешь, не хочу умирать.

- Вот это понятно, - кивнула я, - сама не собираюсь на тот свет. Пошли.

- Куда? - насторожилась Вера.

- Ну, не на улице же нам стоять! Зайдем в кафе.

Девушка затравленно оглянулась по сторонам:

- В какое?

- В любое. Вон через дорогу вполне симпатичное на вид заведение.

Вера прищурилась.

- «Ателло»?

- Да, - согласилась я, - дурацкое название, но нам ведь нужно просто побеседовать в спокойной обстановке.

- «Ателло»?

- Да, да.

- «Ателло»... - словно заевшая патефонная пластинка, тупо твердила Вера. - Мне идти в «Ателло»? Мне?

Я хотела было пожать плечами и мирно сказать: «Если так не нравится это название, то рядом имеется трактир вовсе без него. Трактир - и все». Но тут вдруг девушка вырвала у меня из рук сумку, резко повернулась и ринулась через проспект, не обращая ни малейшего внимания на плотный поток машин. Послышались визг тормозов, гудки и вопли:

- Дура!

- Поймать и в глаз надавать!

– Вот сволочь!

Я, стряхнув с себя оцепенение, бросилась за, похоже, потерявшей разум девицей. Негодование водителей – и прохожих тоже – усилилось.

– Давить таких надо!

– У нее кошелек, что ли, свистнули?

– Вон та, по тротуару чешет... У нее целых две сумки...

– Держи вора!

– Лови!

– Стой!

Я благополучно пересекла оживленную улицу и побежала по тротуару, яркосиняя куртка Веры мелькала далеко впереди. У меня закололо в бок, стало понятно: воровку не настичь.

Запыхавшись, я остановилась и подвела итог: так, лишилась любимого ридикюля, в котором кошелек с большой суммой денег, взятой в долг у Федора, мобильный телефон, косметика, ключи от дома и машины, паспорт. Да уж, сходила за покупками... Отругают теперь все – достанется и от рекламщика, и от супруга, незадачливую Вилку пожалеет лишь Томочка.

Повздыхав некоторое время, я побрела к машине. Ладно, у меня под бампером висит запасная связка ключей. Может, отправиться к Олегу на работу и попросить его объявить странную девушку Веру в розыск? Ага, замечательная идея, если учесть, что знаю лишь имя пронырливой уголовницы, да и то с ее слов. Вполне вероятно, что в паспорте у мерзопакостницы стоит «Татьяна» или «Елена». Да и внешность грабительницы могу описать лишь приблизительно: блондинка, глаза вроде голубые, а может, и серые, особых примет не увидела.

В самом гадком настроении я добралась до парковки и... не обнаружила на ней свою верную коняшку. Отчаянье затопило с головой. Однако сегодня явно не мой

день. Ну кто мог польститься на старенькие, битые-перебитые «Жигули»? Кому понадобилась краса ненаглядная, ездящая лишь на одном энтузиазме? Вот же стоит шикарный, лаково-черный джип, элегантный, словно мальчик по вызову, шикарный до слез. Хотя роскошную иномарку гнутой железкой не открыть, и она явно принадлежит крутому авторитету. Вон, затонирована машина по полной программе, тюнингована – на капоте нарисована голова тигра. Я очень хорошо знаю: встретишь на дороге подобный экземпляр, немедленно уступай ему дорогу, не то раздавит и не заметит. Джип... Минуточку! Я же приехала на нем! «Жигули» от издательства уволок эвакуатор!

В полном обалдении я обошла иномарку. Когда садилась в нее у «Марко», не рассмотрела подарочек как следует. Интересно, кому до меня принадлежала машина? И номер у нее явно непростой – одинаковые цифры вкуче с тремя буквами О, и картинка на капоте устрашающая... Ну и ну! Что же теперь делать? Монстра самой никак не открыть, не завести, да и документы на него лежат в похищенной сумочке.

От полной безысходности я застонала, навалилась на водительскую дверь и в изнеможении закрыла глаза. Спокойствие, Вилка, только спокойствие! Из любого положения есть выход.

– Прости, пожалуйста, – прошелестело над ухом.

Я открыла один глаз и в полнейшем негодовании воскликнула:

– Ты?

Вера кивнула:

– Ага. Извини. Вот твоя сумка. Я не знала, что там столько денег!

Я схватила кожаный мешок и не удержалась от замечания:

– А что, ты обычно прешь пустые кошельки?

– Я не воровка.

- Верится с трудом.

- Правда.

- Ладно, до свиданья, - сердито ответила я.

- Я не воровка, - тихо повторила Вера.

- Обсуждать нам с тобой нечего, - хмыкнула я. - Сначала вырвала сумку из рук, потом вернула... С кем не случается... Да большинство людей так себя ведет! И я, вот странность, предпочитаю не общаться с личностями, поступающими, как ты. Отойди от машины.

- Это твоя?

- Да.

- Красивая.

- Сделай одолжение, отстань.

- Наверное, дорого стоит.

- Не знаю, джип мне подарили.

- Повезло, - щелкнула языком Вера. - А почему у тебя в паспорте стоит Виола Тараканова?

- Меня так зовут.

- Значит, наврала про писательницу? - скривилась собеседница.

- Арина Виолова - псевдоним, - непонятно по какой причине стала я растолковывать нахалке ситуацию, - а псевдонимы - частое явление у литераторов.

- Следовательно, все-таки ты – она?

- Ладно, хватит! Надеюсь, больше не встретимся.

- Я убежала, потому что приняла тебя за оно. Решила, ты держишь в сумке диктофон, оттого и вырвала ее, – залепетала Вера. – Оно меня в бутик отправило, сказало про платок. Я поехала, потом ты появилась, я начала с испуга правду говорить... Во как! А уж когда ты предложила в «Ателло» пойти, совсем разум потеряла. Понимаешь?

- Нет! И, если честно, не хочу понимать!

- Кирилл я убила после посещения «Ателло». Потом забежала в «Зубастый арбуз» и пихнула под диван платок. Смотри!

Перед моим носом закачалась грязная мятая тряпка, я чихнула, а Вера тихо продолжала:

- Вот, подумала, тебя оно подослало, чтобы улики сфоткать... ну как я под диваном шарю... и разговор записать. Я не воровка, не убийца, хоть и прикончила Кирилл. Ничего не помню! И помочь мне некому! Ясно?

Я поежилась. Девушка явно шизофреничка.

- Ясно, – сама ответила на свой вопрос Вера. – Ладно, пока!

Опустив голову и сгорбившись, девушка пошла по направлению к метро. В ее поникшей фигурке было столько отчаяния, что на меня накатила жалость.

- Вера, – крикнула я, – подожди!

Сумасшедшая вздрогнула и обернулась, я подошла к ней.

- Давай отвезу тебя домой?

- Спасибо, не надо, лучше пройдусь.

- Наверное, твой муж волнуется, куда ты подевалась.

- У меня нет мужа. Тебе это кажется странным?

- Почему? - слегка растерялась я.

Неожиданно Вера засмеялась:

- Ты приняла меня за сумасшедшую? Решила, что я сбежала из поднадзорной палаты? Знаешь, мне и самой в последние дни кажется, что я умом тронулась. Столько всего случилось... Но я нормальная. Хотя, говорят, психи никогда не оценивают себя адекватно.

Я взяла Веру за руку.

- Пошли в трактир, давай поговорим по-человечески.

Глава 4

В маленьком зале оказалось пусто.

- Бизнес-ланч закончился, - предостерегла официантка, - заказ по меню.

Я кивнула, а Вера неожиданно накинулась на девушку:

- Мы похожи на оборванок, у которых нет денег на порцию картошки?

- Простите, - улыбнулась официантка, - но иногда посетители просят комплексный обед после шестнадцати часов, вот хозяин и велел сразу предупреждать, во избежание конфликта.

- Оповещай идиотов, а мы не дуры! - не могла успокоиться Вера.

На лице официантки застыла профессионально приветливая улыбка. Сохраняя полнейшее спокойствие, она положила на стол две кожаные папки с меню и мирно сказала:

- Выбирайте, пожалуйста. Я подойду, как только определитесь.

- Вот и славно, - буркнула Вера, - нечего над душой стоять.

Стоически продолжая улыбаться, девушка ушла.

- Зачем ты так? - укоризненно попеняла я спутнице. - Она всего лишь официантка, вынужденная подчиняться начальнику. Может, студентка, к стипендии подрабатывает.

- А нечего хамить! - вскинулась Вера и в ту же секунду осеклась: - Не знаю, что со мной происходит... - пробормотала она спустя пару мгновений. - Как будто накатывает темнота! Так и с Кириллом случилось, но тогда я капитально выпала.

- Будет лучше, если расскажешь по порядку, - попросила я. - И давай-ка я закажу еду. Рыба по-кипрски... Звучит приятно, как думаешь?

- Ладно, заказывай, - кивнула Вера. - Я пойду руки помою.

Из туалета Вера вернулась в благожелательном расположении духа и, не обращая внимания на суетившуюся вокруг столика девушку-официантку, начала свой рассказ. И чем дольше длилось повествование, тем меньше у меня оставалось сомнений: у новой знакомой явно с головой беда.

Верочка работала в библиотеке, но не простой, районной, куда всякий люд прибегает за детективами, фантастикой и разными словарями. Нет, Верочка Опушкова сидела в крупном книгохранилище при большом НИИ. Фонд тут формировался очень давно, на стеллажах можно было отыскать подлинные раритеты. В прежние годы в этой библиотеке работали настоящие подвижники, сумевшие составить и сохранить обширное собрание. Даже во время войны, когда фашисты уже стояли под Москвой, директриса Анастасия Егоровна не уехала в эвакуацию. Вместе с начальницей осталась и рядовой библиотечкарь Элла. Две не слишком сильные физически женщины спрятали редкие издания в

ящички, а потом сумели перевезти наиболее ценные экземпляры в укромное место. По счастью, гитлеровцы так и не прошли победным маршем по Красной площади, и тома вскоре вернулись на полки. Элла Дементьевна после войны благополучно сделала карьеру, стала в библиотеке начальницей, проработала много лет и умерла за своим письменным столом. В прямом смысле этого слова. Утром провела совещание, в полдень вошла в небольшую комнатку, где обычно принимала посетителей, и сказала секретарше Настеньке:

- Очень чаю хочется, сходи в буфет, детка.

Послушная Настя понеслась на второй этаж. По дороге она встретила Аню Рыскину из бухгалтерии, а на той, как на грех, красовались новые туфли. Даже сейчас многие двадцатилетние кокетки не способны пройти мимо знакомой, щеголяющей в обновке, а уж в советские годы приобретение пары роскошных лодочек являлось из ряда вон выходящим событием, и Настя с Рыскиной самозабвенно обсудили все: цвет кожи, размер каблука, толщину подошвы. Опомнилась секретарша лишь через сорок минут. В кабинет к Элле Дементьевне Настя ворвалась с чаем, расплескав чуть не полстакана, и еще за дверью начала хныкать.

- В буфете титан сломался, - самозабвенно врала секретарша, - вот и...

Нытье перешло в отчаянный вопль, потому что Элла Дементьевна лежала головой на столе, странно вывернув шею. Настя сразу сообразила: начальница умерла. Приехавшие врачи подтвердили «диагноз» секретарши: директриса скоропостижно скончалась, но в ее смерти нет ничего криминального - банальный инфаркт.

Директором стала Нелли Ильинична. Только она не пожелала сидеть за столом, где отдала богу душу Элла Дементьевна, и перебралась в другое помещение. Некоторое время кабинетик покойной директрисы стоял пустым - при огромном дефиците свободных комнат библиотекари не хотели въезжать на стремительно освободившуюся площадь, а кое-кто из особо впечатлительных начал поговаривать о встрече с привидением.

Кульминация наступила летом в начале девяностых. Институт тогда переживал не лучшие времена, но упорно держался на плаву. Дабы сэкономить средства,

директор уволил весь технический персонал и вменил научным сотрудникам в обязанность самим мыть кабинеты, коридоры, лестницы и места общего пользования. Скрипя зубами, институтский народ составил график, и каждый день после работы люди по очереди брали в руки швабры и тряпки.

Так вот, однажды Олеся Егоровой выпало драить очень неприятный отрезок изгибистого коридора – от читального зала к фонду особого хранения. Тут следует добавить, что Олеся принялась за уборку совсем поздно, а рачительный завхоз, желая уменьшить счет за электричество, вывернул из светильников почти все лампочки, оставил по одной, пятнадцативаттной.

– Нечего иллюминацию устраивать, – сказал он недовольным ученым, – пройтись по коридору и впотьмах можно, в нем же книги не читают.

Олеся елозила шваброй по желто-коричневой плитке, когда ее уши уловили тихий скрип. Девушка подняла глаза и приросла ногами к полу – из стены вышла белая фигура и поплыла навстречу Егоровой. Глупая Олеся сначала заорала: «Чур меня!» – а потом схватила ведро с грязной водой и облила привидение.

В ответ раздалась вполне земная ругань, и Егорова с ужасом поняла: призрак на самом деле вовсе не призрак, а директор Юрий Иванович. На дворе стояло жаркое лето, и начальство вырядилось в светлые брюки и рубашку в тон.

Когда Вера пришла на работу в библиотеку, Олеся Егорова из восемнадцатилетней свиристелки уже превратилась в пятипудовую бабищу, кандидата наук и счастливую мать троих сыновей, а Юрий Иванович облысел и перестал щеголять во всем белом даже в августе, но эпический рассказ о том, как молоденькая лаборантка приняла начальство за призрак Эллы Дементьевны и по-свойски расправилась с выходцем из могилы, до сих пор передавался в НИИ из уст в уста. Более того, теперь в научном заведении, давным-давно пережившем стадию упадка и даже цветущем на капиталистическом рынке буйным цветом, появилась замечательная традиция: раз в году, в самом конце мая или в начале июня, кто-нибудь из мальчишек-аспирантов, завернувшись в простыню, нападал на том самом отрезке коридора на лаборантку или какую другую симпатичную девушку.

О шалости знали все, и весной женская часть института принималась кокетливо изображать ужас.

– Ой, ой, ой, – щебетали юные дамы на кафедрах, – можно мы не пойдём в библиотеку? Там же привидение живёт! Элла Дементьевна!

Старшие коллеги посмеивались и смотрели сквозь пальцы на развлечения молодых. Впрочем, кое-кто злился и выговаривал девочкам:

– Хватит идиоток из себя корчить! Велено идти за литературой, вот и ступай себе!

Это, так сказать, преамбула, а теперь история, в которую вляпалась Вера.

Не так давно в институт пришел новый сотрудник – Кирилл Долгов. Не следует считать, что в НИИ трудятся одни убеленные сединами бабуся и дедуся. Нет, там много молодежи, но все-таки женщин в несколько раз больше, чем мужчин, и появление симпатичного неженатого парня не могло остаться незамеченным.

Местные красотки мигом начали строить глазки Кириллу, но Вера даже не стала вступать в борьбу за юношу, считая, что шансов у нее нет никаких. Долгов, по идее, должен был достаться Алисе Сафоновой, дочке ученого секретаря. Мало того, что Алиса имела точеную фигурку, роскошные волосы и лучистые глаза, так она еще и обладала умом, а наличие папы-профессора, способного из любого аспиранта легко сделать полноценного кандидата наук, поднимало рейтинг Сафоновой на рынке невест на недосягаемую высоту.

Но Кириллу, похоже, было наплевать на материальные расчеты. Не покорила его и красота Алисы. Долгов обратил внимание на Веру. Проработав неделю, он, в очередной раз заявившись в библиотеку, громко сказал:

– Верусь!

– Аюшки? – повернула к нему голову юная библиотекаряша, ожидая услышать нечто типа: «Дай мне методическое пособие».

Но Долгов произнес совсем иную фразу:

– Ты кино любишь?

- Да, - недоумевающе ответила девушка.

- Вот и отлично! - обрадовался Кирилл. - Мне тут по случаю перепали два билета на закрытый показ. Пошли?

- Ладно, - кивнула, совсем растерявшись, Вера.

Вот так и начался их страстный роман. Кирилл жил вместе с родителями, и у Веры тоже отдельной жилплощади не было - она обитает в коммунальной квартире. В соседках у нее две злобные, словно голодные гусыни, бабки. Старухи укладываются спать после программы «Время», но, несмотря на возраст, обладают тонким слухом. Все попытки Веры привести к себе кавалера заканчивались одинаково: едва девушка поворачивала ключ в замочной скважине, как баба Маня вылетала из своей комнаты, словно пробка из бутылки с перебродившим вином.

- Хахаля привела? - шипела она. - А свидетельство о браке есть? Покажь!

На помощь бабе Мане спешила баба Нюра.

- После девяти запрещаю мужиков в дом таскать! - громогласно заявляла она. - И не пытайся, не получится!

- Мы твоей матери за тобой приглядеть обещали.

- Ишь, развратничать задумала!

- Сначала распишись!

- Нарожаеть потом невесть от кого...

- Чего мать-покойница скажет?

- Нет нашего согласия на разврат!

- Пусть мужик убираться!

Добравшись до этой стадии разговора, бабульки приступали к более активным действиям: хватали скалки, чугунные сковородки, затем, размахивая оружием и выстроившись в ряд, шли на неприятеля. Ни один кавалер Веры достойно испытание не выдержал. Если мужчина не убегал во время разговора, то уж точно уносился в момент начала боевых действий.

Прогнав очередного врага, соседки торжествующе смотрели на Веру. Потом баба Маня заявляла:

- И не надейся, что сумеешь кого днем протащить.

- Мы шорох услышим, - подхватывала баба Нюра.

- Вот помрем, тогда и гуляй в темную голову! - как бы милостиво разрешала баба Маня.

- Глупость ты, Маша, несешь! - сердилась на нее Нюра. - Мы ее и из могилы достанем! Впрочем, какие наши годы, еще лет тридцать проскрипим.

Теперь понятно, отчего Вера даже не стала делать попыток привести Кирилла к себе? Долгов очень нравился девушке, а все ее предыдущие кавалеры, познакомившись с деятельными бабками, предпочитали больше не иметь с Опушковой дел. Вера специально заготовила речь на случай, если любимый вдруг скажет: «У меня дома и мать, и отец, а ты вроде как одна, поехали лучше к тебе...» Девушка уже знала, что ответить: «Соседка ремонт затеяла, весь коридор мебелью заставила, краской воняет, сил нет!»

Но ее заготовка не понадобилась, Кирилл показал себя настоящим мужчиной. После недельных походов по кино и страстных поцелуев в темноте он предложил:

- Поехали на дачу.

- У вас есть фазенда? - обрадовалась Вера.

- Не у нас, - усмехнулся Кирилл. - У моего лучшего друга Ильи Каменева есть загородный особняк. Он нас на дачку пустит.

– Неудобно как-то... – замялась Вера.

– Ерунда, – отмахнулся Кирилл, – Илюха свой человек.

И Вера согласилась. Уж очень ей нравился Долгов! А еще девушка знала: Кирилл из хорошей семьи, его отец профессор, академик, мать – востребованная художница, ее картины продаются хорошо, в доме полный достаток. В общем, Долгов являлся отличной партией. А чем можно привязать к себе парня? Верочка, несмотря на возраст, обладала умом и рассудительностью, поэтому решила не ломаться.

Очень скоро дача Ильи Каменева стала для любовников домом. Ближайший друг Кирилла милостиво сказал Долгову:

– Живите спокойно, только не свинячьте.

Кирилл передал слова приятеля Вере, а девушка воскликнула:

– Я очень аккуратная! Спать не лягу, если посуда не помыта!

Долгов засмеялся:

– Хозяйственная моя...

Вера зарделась и со рвением принялась устраивать совместный быт. Очень скоро молодые люди стали вести почти семейный образ жизни, в НИИ даже перестали судачить на их счет. Все великолепно знали, что с работы пара уходит, взявшись за руки, и так же, почти обнявшись, приходит на службу. Коллеги-библиотекарши были рады за Верочку и шепотом обсуждали, что подарить молодым на свадьбу. Научные сотрудники улыбались и говорили Вере:

– Кирилл молодец, далеко пойдет, ты его цени.

Одна Рената Корсакова из отдела переводов исходила злобой. Она подстерегла как-то Веру в том самом коридорчике, где иногда появлялось привидение, и зашипела:

- Думаешь, он на тебе женится?

- Не твое дело! - парировала девушка.

- Обманет.

- Дай пройти.

- У Долгова еще любовница есть, - не отставала Рената. - Хочешь, сообщу ее телефончик?

- Спасибо, не надо.

- Записывай: красотку зовут Лола... - упорно продолжала Корсакова.

Но Вера, сильно толкнув Ренату, освободила себе дорогу и поскорее ушла прочь. Целый день потом Верочка пыталась успокоиться, но красивое имя Лола не желало выходить из головы. Вечером девушка, не утерпев, напрямик спросила у Кирилла:

- Кто такая Лола?

- Ты о чем? - удивился Долгов.

- Лола, - повторила Вера. - Знаешь женщину с таким именем?

- Конечно, - кивнул Кирилл. - Так зовут жену Ильи, моего друга, на даче которого мы сейчас живем.

- Ясно, - бормотнула Вера и ушла на кухню готовить ужин.

Верочка умница, она знала, что представители сильного пола больше всего ценят свой собственный покой, поэтому поостереглась закатывать любимому сцену.

Кирилл сам подошел к невесте:

- Ты никак ревнуешь?

- Я? - фальшиво изумилась Вера. - С какой стати?

- Почему про Лолу интересовалась?

- Да так... - туманно ответила Вера и, решив перевести разговор на иную тему, бодро воскликнула: - Давай после ужина кальян покурим!

- Непременно, - улыбнулся Кирилл. И вдруг добавил: - А у меня с Лолой ничего не было.

- Знаешь, - дрожащим голосом ответила Вера, - мне это совсем неинтересно. Ты свободный человек и можешь делать все, что заблагорассудится.

Долгов обнял Веру.

- Кисик, - сказал он, - Лола жена моего лучшего друга. Это раз.

- Ну и что? - не выдержала Вера. - Если мужчине захочется, его ничто не остановит.

- Есть еще одно обстоятельство.

- Какое? - жалобно протянула Вера.

- Лола моя сестра, - ответил Кирилл. И расхохотался.

- Вот сволочь! - топнула ногой Вера.

- Кто? - опешил молодой человек.

- Рената.

- Она, что ли, наплела тебе про Лолу?

– Ага, – призналась Вера.

– И правда, дрянь, – покачал головой Кирилл. – Не обращай внимания. Корсакова мне долго глазки строила, только я на дух не выношу подобных особ. И вообще, давай прекратим этот разговор! Я люблю только тебя. Кстати, сейчас моя мама в Чехии, лечит желудок, но к концу месяца она вернется, и, думаю, вам пора познакомиться.

У Верочки от счастья закружилась голова. Любая девушка знает: если кавалер, сказав о своей любви, зовет в гости к маме, можно считать, что он уже предложил руку и сердце.

Глава 5

К сожалению, встретиться с будущей свекровью Вера не успела, потому что начались события, полностью перевернувшие судьбу девушки.

В тот вечер, когда произошла первая беда, они с Кириллом мирно попили чаю и сели у телика. Долгов неважно себя чувствовал, поэтому пара решила остаться дома.

Около восьми Вера спросила:

– Хочешь покурить кальян?

– Давай, – оживился любовник.

Верочка мигом наладила прибор и вытащила нарды – они с Кириллом довольно часто проводили свободное время подобным образом. Но в тот раз все пошло наперекосяк. Отчего-то у Веры вдруг заболела голова, потом перед глазами замелькали мушки, и она заснула.

Очнулась Верочка от холода, по щекам и шее у нее стекала вода, которую лил из бутылки Кирилл.

- С ума сошел! - вскочила Вера.

- Как ты себя чувствуешь? - с невероятной тревогой спросил любимый.

- Голову словно обручем сдавило, - призналась Вера, - а потом я заснула.

- И ничего не помнишь?

- Не-а, - улыбнулась Вера, - никаких снов не было.

- Я про явь, - мрачно парировал Кирилл.

- Ты о чем? - удивилась девушка.

Долгов задрал рубашку:

- Вот, смотри.

Верочка ахнула. Накачанный пресс любимого пересекала длинная кровотокающая полоса. Забыв про головную боль, Вера вскочила на ноги.

- Милый, - вскричала она, - где ты так поранился? Надо немедленно залить йодом. Дай посмотреть, не глубокий ли порез... Может, к врачу съездить?

- Ночь на дворе, - напряженным голосом перебил Кирилл, - да и не порез, а так, пустяк. Я быстро отскочил. Это просто царапина.

- Все равно нужно... - начала было настаивать Вера и вдруг спохватилась: - Как ночь? Который час?

- Два, - ответил Долгов.

Верочка на пару минут онемела, затем робко переспросила:

- Сколько?

Любимый ткнул пальцем в большие часы, мирно тикавшие в углу, девушка уставилась на циферблат.

– Ничего не понимаю! – воскликнула она. – Мы же сели покурить кальян около восьми.

– Угу, – мрачно подтвердил Кирилл. – Правда не помнишь, что произошло потом?

– Сказала же: голова заболела, и я заснула, а сейчас глаза сами собой открылись...

– Ни черта подобного! – вдруг разозлился Долгов. – Вернее, по поводу твоей башки ничего не скажу. И ты действительно вроде засопела и свернулась клубочком на диване...

Вера со все возрастающим недоумением слушала любимого, а тот говорил совершенно невероятные вещи. По его словам выходило, что она сначала некоторое время полежала на диване, а потом вдруг внезапно села и заорала:

– Врешь, никакая тебе Лола не сестра!

Кирилл попытался успокоить ее, обнял и ласково заговорил:

– Котик, Лола – моя...

Но договорить он не успел – с диким воплем Вера отвесила жениху пару оплеух, потом рухнула на диван и снова свернулась улиткой. Кирилл растерялся. Верочка вроде бы не из категории женщин, распускающих руки. И потом, она проделала все словно в гипнозе, похоже, бедняжка так и не проснулась до конца, отвешивая ему затрещины. Решив обсудить произошедшее с любимой утром, Кирилл лег около нее на диван. Спать парню не хотелось, и он включил телевизор. Сначала поглядел новости по первому каналу, затем прослушал отчет о тех же событиях по четвертому, пощелкал пультом, нашел какое-то кино и неожиданно увлекся сюжетом. Около полуночи фильм закончился, и Кирилл начал дремать. Следовало встать, погасить торшер, умыться, но сил на простые действия уже не нашлось, глаза парня сами собой закрылись, и тут вдруг его живот перепоясала сильная и совершенно неожиданная боль.

Долгов взвизнул, мигом стряхнул с себя дурман и... чуть не умер от страха. Над ним, мирно раскинувшимся в подушках, стояла Вера. Глаза девушки горели нехорошим блеском, волосы дыбились столбом, в руке она сжимала кухонный нож с длинным острозаточенным лезвием, на котором явственно различались следы крови. В ту же секунду Кирилл понял: Верочка покушалась на его жизнь – полоснула ножом по животу и намеревается повторить то же действие. Происходящее сильно напоминало только что просмотренный Кириллом триллер.

– Эй, эй, эй... – едва сумел произнести Долгов, и тут девушка занесла нож.

Кирилл ловко скатился с дивана на пол, Вера опустила руку, лезвие воткнулось в подушку, где секунду назад находилась голова парня. На мгновение замерла, потом, рыча, словно зверь, принялась кромсать постельную принадлежность.

Долгов лежал на ковре, боясь пошевелиться. Верочка разодрала подушку в клочья, пару раз чихнула и... рухнула на диван.

Кирилл осторожно поднялся на локтях и понял: девушка в обмороке. Он испугался: похоже, Вера заболела. Сначала Долгов похлопал любимую по щекам, затем сбегал на кухню, принес воды и начал обливать Верочку. Слава богу, девушка пришла в себя.

– Хочешь сказать, – прошептала Вера, – я покушалась на убийство?

– Ну... – замялся Кирилл, – нет, конечно... Думаю, тебе привиделся кошмар. Лунатизмом никогда не страдала?

– Нет, – промямлила Вера. – А что это такое?

– Да странная такая болезнь, – ответил Кирилл. – Человек просыпается посередине ночи, бродит по квартире, совершает всякие действия, может вылезти на крышу или выйти голышом на улицу, потом снова укладывается в кровать, а наутро ничего не помнит. Вроде такая ерунда обычно случается в полнолуние, отсюда и название «лунатизм».

– Я обычно сплю спокойно, – дрожащим голосом ответила Верочка, оглядывая клочки подушки и пух, усеявшие ковер.

– Да уж... – вздохнул Кирилл. – Ладно, пойду царапину заклею пластырем. Не расстраивайся, думаю, ничего ужасного не случилось. Кстати, ты сегодня пила таблетки от головной боли?

– Ага, – закивала Вера.

– Какие? – живо заинтересовался Долгов.

– Сначала анальгин проглотила, – стала загибать пальцы Верочка, – две штуки. Но не помогло, и я приняла цитрамон.

– Сколько?

– Пару таблеток, – призналась Вера. – А когда и после них боль не отпустила, выпила растворимый аспирин.

– Тоже небось не одну дозу?

– Верно, – закивала Вера.

– Ну не дура ли ты! – возмутился Кирилл. – Ясно теперь, отчего меня чуть не зарезала! Разве можно столько разных средств смешивать? И вообще, аспирин ни в коем случае нельзя употреблять вместе с анальгином.

– Да? – поразились Верочка. – Почему?

– Не знаю, – буркнул Кирилл, – мне мама сказала. Фу, слава богу, разобрались! А то уж я подумал: опсихел мой котик, пора в дурку сдавать. А ты, оказывается, просто идиотка: таблетки горстями сожрала, кальян покурила, крепким чаем отлакировала, вина хлебнула... и затмение мозгов получила. Запомни: если приняла лекарства, ни в коем случае потом не наливайся чаем и не употребляй алкоголь.

– Извини, пожалуйста, – заплакала Вера. – Ой, а тебе больно? Дай поцелую царапину! Ну, прости, прости, прости...

– Я и не сержусь вовсе, – весело ответил Кирилл. – И мне совсем не больно, я за тебя испугался.

Инцидент оказался исчерпан. Верочка поклялась никогда больше не употреблять набор: анальгин-цитрамон-аспирин, запивая «коктейль» крепким чаем вперемешку с алкоголем и добавляя курево. Хотелось забыть более чем неприятное происшествие, но... через пару дней случилось новое.

В тот день Вера возвращалась с работы в одиночестве – Кирилл расхворался и остался на даче лечить свою простуду. Как назло, Верочку задержали в библиотеке, и девушка сошла с электрички около девяти вечера. Кириллу, безостановочно звонившему любимой на мобильный, она сказала:

– Даже не думай выходить из дома и меня встречать! От станции до дачи всего пять минут ходьбы, добегу.

Честно говоря, Верочка не была в восторге от того, что темным вечером ей придется одной идти через лес, но ведь Кирилл мог заболеть еще сильнее, при простуде не следует переохлаждаться...

На платформе никого не оказалось, и Вера, ощущая дискомфорт, побежала по тропинке. Тут следует отметить, что у девушки уже почти месяц не переставая болела голова. Подобное с ней было впервые в жизни, до сих пор Верочку не мучили никакие болячки, и бедняжка извелась, глотала, несмотря на данное Кириллу обещание не прикасаться к медикаментам, таблетки, но никакого облегчения не испытывала. И сейчас, несясь по лесной тропинке, она ощущала, как каждый шаг болью отдается в висках и затылке.

«Может, у меня опухоль мозга?» – в полнейшем ужасе подумала Вера, и... вдруг на нее навалилась темнота.

Свет от лампы ударил по закрытым векам, девушка села, открыла глаза и в первую секунду не поняла, где она. Потом стало понятно: Верочка на даче, лежит на диване около камина, рядом с самым встревоженным видом сидит Кирилл.

– Привет, – как-то странно поглядывая на невесту, сказал Долгов. – Голова не кружится?

– Нет, – протянула Вера. – Я что, до дачи добежала? Вот странность, ничего не помню. Вроде по тропинке шла, и бац, свет погас...

Кирилл начал кашлять. Он так долго изображал из себя тяжелобольного, что Вера не выдержала:

– Хватит идиотничать! – рассердилась она. – Говори, не тяни!

Долгов нахмурился:

– Я все-таки пошел тебя встречать. Правда, припозднился чуток, не успел к поезду. Иду по дорожке и вижу: ты лежишь в сугробе, без сознания, а вокруг...

Не договорив до конца, Кирилл умолк.

– Что? – насторожилась Вера.

Но он не ответил, перевел на другую тему:

– Признавайся, опять таблеток наглоталась?

– Ага, – призналась Вера. И, желая оправдаться, быстро добавила: – Но только цитрамон.

– Я же предупреждал: не трогай лекарства! – возмутился Кирилл. – Ясное дело, у тебя парадоксальная реакция на медикаменты. Как можно быть такой неосторожной! А не выйди я навстречу? Земля, несмотря на апрель, холодная.

Вера поежилась:

– Очень голова болит. Наверное, надо к врачу сходить. Вдруг у меня опухоль мозга?

– У тебя ум опух! – вконец обозлился Кирилл. – Незачем по кабинетам таскаться, в поликлинике тебе наверняка скажут: нельзя медикаменты горстями жрать. А башка у тебя на смену погоды ноет, весна все-таки.

– Раньше со мной подобного не случилось, – тихо парировала Вера.

– Котик, – улыбнулся любимый, – все когда-нибудь происходит впервые. И потом, ты же элементарно стареешь, вот, уже превратилась в метеозависимую бабулю...

– Дурак! – фыркнула Вера и швырнула в любимого подушкой.

Кирилл обнял девушку, и вечер завершился просто замечательно.

На следующий день была суббота. Верочка проспала до одиннадцати, потом, зевая, выползла на кухню и обнаружила полнейшее отсутствие хлеба. Нацепив куртку и забыв даже умыться, Вера пошла в местный магазин. Идти было недалеко, метров двести, не больше. Рядом со станцией располагается птицефабрика, и в торговой точке всегда толчется народ, желающий купить парную курицу. Но сейчас в крохотной лавчонке не нашлось никого – отсутствовали и продавцы, и покупатели.

Девушка постояла пару секунд и крикнула:

– Оля, вы где?

– Иду, – раздалось из внутреннего помещения, и к прилавку вышла продавщица с зареванным лицом.

– Что случилось? – испугалась Вера.

– Ну какие сволочи... – заплакала Оля. – Мерзавцы, знаю я, чьих рук дело! Кузьмины постарались, Петька и Павлуха! Представляешь, моего Барсика убили...

– Кота? – ахнула Вера. – За что? Чем он им помешал? Милый такой, спал тут на подоконнике тихонько...

– Барсик мне вместо сына был, – зашмыгала носом Оля. – Кольку-то как за разбой посадили – он по пьяни у каких-то баб на платформе сумочки посрывал, – кот пришел и остался. А Кузьминым я вчера водки в долг не дала, вот они и озверели. Петька, уходя, так и пообещал: «Еще пожалеешь...»

Вера сочувственно слушала Ольгу, а та, заливаясь слезами, повествовала о том, как, не обнаружив вечером Барсика на его любимом месте, принялась рано утром носиться по поселку, а в конце концов решила добежать до станции. Вот на узкой тропинке, недалеко от нее Ольгу и поджидала страшная находка – она увидела следы крови и неподвижное тело любимого кота.

– Сволочи, мерзавцы! – причитала женщина. – Вот, смотри, улику оставили...

Продолжая плакать, продавщица выдвинула ящик и вытащила довольно большую «золотую» пуговицу.

– Видишь? – вытирая слезы, сказала Ольга. – Небось мой несчастный кот сопротивлялся и оторвал. Сейчас успокоюсь и пойду к Кузьминым. Да не одна, участкового прихватчу! Есть, говорят, статья за убийство животного. Пусть их за решетку сунут! Кстати, и отметины на сволочах должны быть, царапины всякие...

Вера ни жива ни мертва слушала рыдающую Ольгу. Девушка сразу узнала пуговицу – точь-в-точь такими украшено ее пальто. Вчера Вера в нем ездила на работу, а сегодня побежала за хлебом в старенькой куртке. И еще: утром, умываясь, Верочка с огромным изумлением обнаружила у себя на ногах ссадины – словно она продиралась сквозь заросли роз или ежевики. На какое-то мгновение Вере стало страшно.

Купив буханку, девушка полетела домой. По дороге она слегка пришла в себя и попыталась рассуждать логично. Ну и что пуговица? Ничего особенного в ней нет, такие пришивают и на женскую, и на мужскую верхнюю одежду. А ноги она могла поранить, когда упала без чувств. Небось на дорожке полно камней, а то и битых бутылок...

Вернувшись на дачу, Верочка кинулась к вешалке, но пальто своего не увидела. Страшно удивленная, заглянула в шкаф и не обнаружила в нем юбки с любимой

водолазкой, в которых вчера ходила на работу. Впрочем, скоро они нашлись в бане – в тазу, щедро посыпанные стиральным порошком. Удивленная сверх меры, Верочка растолкала еще спящего Кирилла и спросила:

– Где мое пальто?

– Какое? – сонно спросил любимый.

– Оно у меня одно – бежевое, в клетку.

– Извини, – бормотнул Долгов, – я его выбросил.

– Куда? Почему? – возмутилась Вера. – Придет же в голову идиотская идея совсем новую вещь вышвыривать!

Кирилл зевнул, повернулся к стене и, засыпая, тихо сказал:

– Ты вчера прямо в грязь плюхнулась, я попытался отчистить пальто, но только хуже сделал. Вот юбку с кофтой замочил, авось отойдут. Не расстраивайся, новое купим.

На Веру накатило раздражение. Оставив Кирилла в спальне, она вышла во двор и там, возле забора, увидела черный пластиковый мешок с мусором. Девушка развязала тесемки, стягивающие его верх, вытащила свою верхнюю одежду и... не сдержала крика. Пальто выглядело ужасно – светлая ткань была покрыта темными пятнами, одной пуговицы не хватало. Боясь снова потерять сознание, Верочка дрожащими пальцами принялась ощупывать материал и заметила, что пальто покрыто мелкими серо-черными волосками.

– За каким чертом в мусоре роешься? – сердито воскликнул выскочивший на крыльцо Кирилл. – Сказал ведь, не отчистить грязь, следы останутся. Сейчас поедем в Москву и купим тебе новое пальто.

– Это не грязь, – пролепетала Вера.

– Земля, – стоял на своем Долгов. – В лесу еще не подсохло, ты упала прямо в самую...

- Это кровь, - прошептала Вера, - и волосы Барсика...

В глазах Кирилла промелькнуло беспокойство.

- Откуда знаешь про кота? - нервно поинтересовался он.

- За хлебом пошла, - еле слышно пояснила девушка, - а там Оля плачет. Она считает, что Барсика местные алкоголики убили. Это я его? Да?

Долгов оглянулся, быстро втащил Веру в дом и велел:

- Успокойся.

- Я? Я? Я? - безостановочно повторяла Вера.

- Не знаю, - буркнул Кирилл.

- Немедленно расскажи все! - почти в истерике потребовала девушка.

Кирилл вздохнул. Вера, привалившись к стене, приготовилась слушать любимого.

- Я собрался встретить тебя на платформе, но проспал. Вскочил, когда по расписанию поезд уже должен приехать на станцию...

Ругая себя, Долгов схватил куртку и выбежал из дома. Он очень надеялся, что Верочка еще не успела добраться до леса и пока спокойно идет по дороге, ведущей от платформы к остановке маршрутки. Этот участок пути был совершенно безопасен: во-первых, он хорошо освещен фонарями, а во-вторых, там девушка должна быть в окружении людей - подавляющая масса пассажиров, сошедших с электрички, торопится к автобусам. Вот дальше Вере идти одной - в дачном поселке сейчас обитает несколько пенсионеров, они в столицу не катаются, сидят в своих избушках безвылазно.

Кирилл бежал по извилистой тропинке. Вот дорожка сделала очередной поворот, и парень вздрогнул: на обочине лежала Вера. Долгов бросился к

любимой, увидел, что та без сознания и вся в крови. Сначала Кириллу показалось: Вера убита, но потом понял, что она жива, и... испытал еще больший ужас. Похоже, любимая снова находилась в состоянии сна, а темные пятна, покрывавшие ее светлое пальто, – это кровь кота. Его тельце лежало рядом, ноги Веры покрывали царапины, разорванные колготки висели лохмотьями, а в правой руке девушка крепко сжимала длинную пилку для ногтей с остро заточенным концом. Железка была вся в крови.

Глава 6

– Я убила Барсика, – сползла на пол Вера. – За что? То есть я же не способна обидеть животное ни в каком случае! Невозможно! Что произошло?

Кирилл мрачно пожал плечами:

– Не знаю. Честно говоря, я решил, что ты вновь опилась таблетками от головной боли и впала в ступор. Помнишь историю со мной? Царапина до сих пор не зажила.

– Барсик всегда подходил ко мне приласкаться, – прошептала Вера. – У меня в сумке сосиски вчера были, купила на ужин...

– Унюхал аромат колбасных изделий, – протянул Кирилл, – и бросился выпрашивать угощение...

– А я его убила? Невероятно! – всхлипнула Вера. – Невозможно! Я же очень люблю кошек...

Кирилл поднял девушку.

– Пошли, тебе надо лечь. Хотел сохранить происшествие в тайне – пальто выбросил, юбку с водолазкой замочил. И зачем ты в мусор полезла, а?

– Я убийца!

- Вовсе нет.

- Заколола Барсика пилкой!

- Прекрати, - начал сердиться Кирилл, потом он тихо спросил: - Слушай, ты совсем ничего не помнишь?

- Нет, - всхлипнула Вера. - Вообще ничего! Мрак!

- А лекарства пила?

- Ну...

- Отвечай немедленно!

- Приняла пару таблеточек, - нехотя призналась девушка.

Кирилл схватился за голову:

- Но ведь я же говорил, предупреждал... Вера, ну нельзя быть такой безответственной... Я же приказал: никакой фармакологии!

- У меня жутко болит голова, - зарыдала Вера, - просто раскалывается, терпеть нет никаких сил. Держусь, держусь, потом не выдерживаю.

- Ну все! Запомни раз и навсегда: не пей пилюли! - сурово приказал Кирилл.

Громко плача, Вера юркнула под одеяло. Долгов принес подруге чай, и девушка, выпив горячего, немного успокоилась, уснула.

Выходные прошли тихо. У Опушковой ни разу не заболела голова, девушка чувствовала себя совершенно здоровой. В понедельник пара приехала на работу и разбрелась по своим местам - Верочка села на выдачу книг, а Кирилл спустился в полуподвал, в техотдел. Спустя два часа Долгов позвонил Вере и поинтересовался:

- Тебя не могут отпустить пораньше?

- Что-то случилось? - напряглась Верочка.

- Только хорошее, - быстро успокоил любимый. - Понимаешь, завтра улетаю в командировку.

- Ну вот... - расстроилась библиотекарьша. - Куда?

- В Италию! - радостно заявил Кирилл.

- Ты мне ничего не рассказывал о своих планах, - слегка обиделась Вера.

- Сам не знал.

- Так не бывает, - протянула девушка. - Рим не Питер, виза нужна.

- Давай отпросись у Нелли Ильиничны, - потребовал Кирилл. - Потом все объясню. И мне собраться надо, пару рубашек купить.

- Зарплата через пять дней, - осторожно напомнила Вера.

- Директор в долг дал, - засмеялся Кирилл. - Сегодня точно мой день.

Верочка пошла к заведующей и пожаловалась на здоровье. Нелли Ильинична, зная, что у Опушковой последнее время часто болит голова, озабоченно сказала:

- Лечись спокойно, только непременно посети врача.

Вера кивнула. Никаких угрызений совести от обмана милой Нелли Ильиничны она не испытывала. В конце концов, Опушкова всегда была примерной сотрудницей и не злоупотребляла добротой начальницы, в отличие от других библиотекарьш, которые частенько манкировали своими обязанностями, прикрывались больными детьми и недужными родителями, чтобы получить лишний выходной.

Обняв любимую, Кирилл мгновенно объяснил, что произошло. В Италию на стажировку собирался ехать Николай Пастухов, ему купили билет, заказали гостиницу и оформили все документы. Но вчера поздно вечером Коля сломал ногу, и директор принял решение: в Рим отправится Кирилл. У директора института большие связи, сам он часто мотается в Италию и хорошо знаком с ответственными консульскими работниками этой страны. Нажав на все кнопки, директор НИИ сумел уговорить своих итальянских знакомых, и те в виде исключения оформили Кириллу визу буквально за полчаса. Оставалось лишь удивляться расторопности руководителя учреждения – он еще ухитрился поменять на его имя и билет на рейс Аэрофлота. А потом директор велел Долгову:

– Живо собирайся да возьми с собой выходной костюм.

– У меня его нет, – растерялся Кирилл.

– Так купи!

– Э... э... э... – замялся парень.

Директор правильно понял смущение подчиненного. Быстро открыв сейф, вынул деньги.

– Вот, держи. Потом вернешь.

– Спасибо, – обрадовался Кирилл.

– Потом поблагодаришь, – начало сердиться начальство. – Рули в магазин, времени мало...

– Представляешь, как повезло! – чуть не прыгал от радости Кирилл, рассказывая Вере о своей удаче.

– Ага, – закивала девушка. – Когда вернешься?

– Через полгода, – преспокойно заявил Кирилл.

- Вау! - изумилась Вера. - Ох и ни фиги себе...

- Ты не рада моей удаче? - надулся любимый.

- Нет, но...

- Понятно! - оборвал девушку Долгов. Повернулся и пошагал в сторону метро.

- Милый, - бросилась вслед за любимым Вера, - я неправильно высказалась! Просто счастлива от невероятного везения, но...

- Что «но»? - зло спросил Кирилл.

- Мне будет плохо без тебя, - жалобно протянула девушка. - Очень! Скучно и грустно.

- Не знал, что ты такая эгоистка, - укоризненно покачал головой Кирилл. - Подобный шанс выпадает редко. Шесть месяцев за счет института! Нет бы порадоваться за меня...

- Я в восторге!

- Оно и видно.

- Нет, правда, - попыталась улыбнуться Вера. - Пошли, купим тебе костюм.

- Не стоит беспокоиться, - ехидно заявил Долгов, - сам справлюсь. Пока!

Не успела Вера вымолвить слово, как любимый исчез в метро. Горькие слезы потекли по щекам девушки. Ну почему Кирилл так жестоко говорил с ней? Отчего не захотел понять состояние Веры? На дворе весна, скоро придет лето, все веселые и счастливые отправятся парами отдыхать, одна Опушкова в грустном одиночестве останется в Москве. Конечно, хорошо, что Кириллу повезло, но ведь ей, Вере, будет плохо...

- Ревешь? - весело поинтересовался чей-то звонкий голосок.

Верочка подняла глаза. На тротуаре, одетая в новое, очень красивое и явно дорогое пальто, стояла Рената Корсакова.

- Слезы льешь? – продолжила она. – Бросил тебя красавчик? Не хотела ты меня раньше слушать, а ведь предупреждала, говорила, бортанет Кирюша Верочку! Поиграет и кинет! У него другие планы, новая любовь, уж поверь, я знаю. Есть у него баба. Даже целых две.

И тут из дверей вестибюля метро вынырнул Долгов.

- Веруся, – позвал он, – давай поторопимся!

- Ты, сука, – прошипела Опушкова Корсаковой, – врешь мне сейчас, как когда-то про Лолу.

- А чего? – вскинулась Рената. – Имеется и Лола. Хочешь ее телефончик?

- Она ему сестра!

- Ой, держите меня семеро!

- Да пошла ты! – рявкнула Вера.

- Попомни мои слова, – презрительно прищурилась Рената, – замуж тебе за него не выйти!

Вера, стиснув кулаки, повернулась к обидчице, но проворная Корсакова ужом вскочила в подъ-ехавший автобус.

- Прости, Верусик! – воскликнул Кирилл, возвращаясь к подружке. – Я тебе нахамил. Знаешь, так мечтал об Италии, что, когда счастье привалило, просто потерял голову. Пошли за костюмом!

- Ты мне ничего не говорил о своих мечтах, – настороженно сказала Вера.

– А смысл? – мигом отозвался Долгов. – Ныть, словно капризный ребенок: «Хочу в Италию... пустите меня в Рим...»?

– Вроде у тебя обеспеченные родители, неужели не могли помочь?

Кирилл обнял Веру и нежно прижал ее к себе.

– Ну, во-первых, туристическая поездка – это одно, а я рассчитывал на стажировку; во-вторых, в моем возрасте положено решать проблемы самостоятельно; в-третьих, отец с матерью не нуждаются, но лишних миллионов не имеют. Не забудь, есть еще Лола, а той нужны шубка, колечко...

– Она замужем, – напомнила сердито Вера.

– Верно, – закивал любимый, – только дочь всегда роднее сына. Смотри, какой пиджак в витрине! Надо померить.

– Странно все это очень, – протянула Вера. – И так внезапно!

Кирилл хмыкнул:

– Понятненько! Подозреваешь меня во лжи, дескать, потихоньку готовился к отъезду, а Верочке сказал за час до отлета, скандала побоялся?

– Ну... может и так!

– Надеюсь, поймешь потом, как несправедливы твои слова, – вздохнул Долгов. – Видно, я сильно об Италии мечтал, раз так получилось. Я люблю тебя, милая!

Вера повеселела. Она безоговорочно поверила Кириллу и приняла самое деятельное участие в покупке костюма. Около девяти вечера уставшая от беготни по торговым центрам парочка уселась в кафе с нелепым названием «Ателло».

– Наверное, хозяин любитель Шекспира, – начал ехидничать Кирилл. – Только книг он не читал, кинушку смотрел, вот и написал имя Отелло на слух, неправильно. Сейчас поедим и еще в бутик «Зубастый арбуз» заглянем.

- Мы же купили костюм, - улыбнулась Вера.

Кирилл потряс кошельком.

- Тут еще тебе на обновку осталось.

- Не надо, не трать зря деньги, лучше из Италии мне что-нибудь привезешь.

- Из Италии само собой, - заулыбался Кирилл, - правда, я думал поступить иначе.

- Как? - насторожилась Верочка.

- В августе там огромные скидки, приедешь ко мне и сама купишь.

Девушка не удержалась и обняла кавалера:

- Спасибо.

- Пустяки. Пей сок! Впрочем, надо сначала руки помыть. Иди ты первая, а я вещи покараулю, - предложил Долгов.

Верочка отправилась в туалет, где обстоятельно привела себя в порядок, и вернулась в зал, сверкая свеженанесенным макияжем. Кирилл улыбнулся и отправился в мужскую комнату. В отсутствие жениха Верочка выпила сок, а спустя буквально пять минут ощутила дискомфорт - у нее внезапно и очень сильно заболела голова. Долгов никак не возвращался, а в виски Веры невидимая рука вбивала острые гвозди. Не желая портить последний перед длительной разлукой совместный вечер, Верочка украдкой раскрыла сумочку, вытащила из нее таблетки и, вопреки данному Кириллу обещанию, быстро проглотила парочку. «Я же не анальгин пью, - успокоила сама себя глупышка, - совсем другое средство».

Тут наконец появился Кирилл. Пара отлично поужинала, Долгов взял счет, и... больше Вера ничего не помнила.

Очнулась девушка от холода, попыталась пошевелиться и застонала – в тело впилось множество комаров, очень злых, они со всей силой кусались, только отчего-то не издавая противного жужжания. На короткое мгновение Верочке показалось, что она заснула в саду, на скамейке, оттого ее тело и занемело. Но вот туман перед глазами рассеялся, Вера осмотрелась и затряслась. Она находилась в темной, захлавленной комнатенке, лежала на грязном полу, а до носа девушки долетел знакомый запах – пахло чем-то едким, химическим.

– Кирилл, – слабым голосом позвала Верочка, – Кирилл!

Но никакого ответа она не услышала. Пребывая в полуобморочном состоянии, Верочка схватила свою сумку, вытащила мобильный и набрала номер Долгова.

– Тра-та-та, та-та-та, – понесся откуда-то сбоку хорошо знакомый звонок.

Вера вскочила и бросилась на звук, который летел из самого темного угла помещения.

– Кирюша, – закричала девушка, – ты где? Не молчи! Ой, вижу тебя, слава богу! Почему ты, так странно скрючившись, сидишь, а...

Договорить фразу Верочка не смогла, потому что в ту же секунду поняла: Кирилл мертв. Лицо жениха было в крови, бурые пятна покрывали куртку, а еще, и это самое страшное, в шее парня торчала пилочка для ногтей, длинная железка с заостренным концом.

Вера шлепнулась около Кирилла, какие-то мгновения ей не хватало воздуха для дыхания. Потом она сообразила: любимый убит, и не кем-нибудь, а ею, Верой, причем тем же способом, что и несчастный Барсик, – пилкой для ногтей. Очевидно, любое лекарство от головной боли действует на Веру самым невероятным образом: она впадает в странное сомнамбулическое состояние, находясь в котором совершает убийства.

И что теперь делать? Весь НИИ в курсе ее романтических, фактически семейных отношений с Долговым. Сегодня Рената Корсакова, уехавшая на автобусе, явно видела Веру и Кирилла, вместе идущих к метро. Ну, сбежит она сейчас... Утром обнаружат тело, милиционеры тут же отыщут Веру и начнут допрос. И что она им ответит? «Мы ходили по магазинам, а потом расстались»? Можно, конечно,

так соврать, но ведь следователь начнет копать дальше: где ночевала? Дома? А старухи заявят: «Вера тут несколько месяцев не показывалась. Загуляла, шалава, с мужиком живет». И моментом сообщат адрес дачи, который Верочка из чистой глупости оставила на всякий случай вздорным бабкам. Ясное дело, менты прикатят на фазенду. Значит, надо врать иное: мол, спала на даче. Но тогда возникнут новые вопросы: почему Кирилл не пришел домой? Отчего Вера не подняла шума, обнаружив отсутствие любимого? Кому принадлежит пилка?

В общем, дело ясное – поймают Верочку. Родители Кирилла – люди со связями, да они жизнь положат на то, чтобы любовницу-убийцу четвертовали на площади... Рассказать про головную боль и странные обмороки? Но от этой правды станет лишь хуже. Придется вспомнить о нападении с ножом на Кирилла и о царапине на его животе, о гибели ни в чем не повинного Барсика. Даже если Веру признают душевнобольной, ее не отпустят на свободу. Запихнут в психиатрическую лечебницу, и до конца дней просидит она в палате, в смиренной рубашке. Так что же делать? Что?

У Веры затряслись руки. А может, и правда, просто тихо уйти сейчас? Почему она решила, что тело обнаружат сразу? Утром, в семь часов, самолет улетит в Италию, все будут думать, что Кирилл спокойно отправился в Рим. На работе никто не начнет беспокоиться, родители тоже не зашумят, сын при Вере сообщил маме по телефону:

– Ура! Завтра в путь! Заехать к вам некогда! Вот вернусь и сразу примчусь.

Следовательно, Кирилла не хватятся. Осталась маленькая проблема: вести себя так, словно ничего не произошло. Близких друзей в библиотеке у Веры нет, никто не полезет с дурацкими расспросами типа: что тебе пишет Кирилл? Целых полгода у Веры есть для того, чтобы уволиться с работы и замести все следы. Девушку не арестуют, не посадят, не засунут в психушку. И еще: Верочка непременно обратится к врачу, она выяснит причину своих головных болей и больше никогда не прикоснется к таблеткам... Жизнь наладится! Вот только надо сейчас сделать над собой усилие, встать и бежать! А еще хорошо бы вытащить пилку... Да, надо непременно унести с собой орудие убийства. Вере стало еще страшней. Почти проваливаясь в обморок, девушка вытянула правую руку, зажмурилась и вдруг услышала шорох, потом резкий хлопок. Глаза Верочки распахнулись – вокруг Кирилла плясали языки невесть откуда взявшегося пламени.

Сначала огонь разгорался медленно, но потом вспыхнул ярко-ярко. Девушка опрометью бросилась прочь, в голове пойманной птицей колотилась мысль: сейчас ночь, пожар заметят не сразу, потушат спустя час, а то и два, тело сгорит. Впрочем, если обнаружат обугленные останки, то посчитают, что в домике ночевал пьяный бомж. Неужели Вера спасена?

Глава 7

Добравшись до описания горящего дома, Вера затряслась в ознобе. Она оказалась не в состоянии вспомнить, что это за дом, где точно он находится. Он явно предназначался под снос – какой-то полуразрушенный. Вот единственное, что она смогла сказать. Выскочила тогда из него и помчалась, не разбирая дороги. В себя немного пришла уже вдалеке от того места.

– Потом начался кошмар, – прошептала она.

– Какой? – настороженно спросила я.

Девушка вздрогнула:

– Утром я опоздала на работу, наврала Нелли Ильиничне, что ходила к врачу. Сплошной стресс.

– А она что-то заподозрила?

– Нет!

– Почему тогда ты занервничала?

Вера понурила голову...

В обед зазвонил ее мобильный. Номер не определился, выскочили одни восьмерки, как случается, когда из автомата звонят. Странный голос, не понять, то ли мужской, то ли женский, сказал: «Тайное становится явным».

Вера похолодела.

- Вы кто? - в полнейшем ужасе воскликнула она.

В ответ полетели гудки. Понятно, какие мысли заметались в голове девушки.

Около восьми вечера голос прорезался снова.

- Огонь не скрывает следы, - сказал он.

- Что? Что? Что? - принялась бестолково выкрикивать Вера. - Не бросайте трубку!

- Долгов не пересекал границу и не садился в самолет, - продолжал таинственный некто, - это легко проверить.

- Что вам надо? - взмолилась Вера. - Денег? Сколько?

В трубке раздался треск, и вновь полетели короткие гудки.

Несколько дней этот самый некто издевался над Верой, звоня ей и произнося жуткие фразы: «На пилке остались отпечатки пальцев - железо не горит»; «Личность человека можно установить по зубам»; «Родители Кирилла поднимут шум уже скоро, забеспокоятся, отчего сыночек им не звонит»; «Не вздумай уволиться, за тобой следят»...

За три дня некто довел Веру (мысленно она стала называть звонившего просто - оно) почти до сумасшествия. У девушки тряслись руки, дергалось веко, пропали аппетит и сон.

- Почему ты не завела себе новую SIM-карту? - удивилась я.

- Оно запретило. Оно за мной постоянно смотрело, - забубнила Вера. - Могло, например, звякнуть и сказать: «Идешь по улице? Зачем зеленую куртку надела? Такой цвет убийцам не к лицу». Оно сразу приказало: «Сменишь номер, мигом новый раздобуду, и еще хуже станет».

- Бред, - пожала я плечами. - Это твое оно денег не просило?

- Нет, - хмуро ответила Вера. - Потом оно мне велело: «Придешь домой, за трубу глянь».

- Какую?

- У нас на лестничной клетке, - пояснила девушка, - в углу, у окна, здоровенная трубища тянется.

- Ты с дачи съехала?

- Ясное дело, - фыркнула Вера. - К старухам вернулась. Кстати, они почему-то присмирели, воспитывать меня перестали. Ах, да это неинтересно... В общем, я туда, куда оно велело, нос сунула... мама дорогая!

- Что?

- Пакет там с костюмом оказался. С тем самым, который мы с Кириллом покупали. Внутри еще фотка имелась: мы в кафе сидим, в «Ателло», а упаковка с одеждой на полу. На снимке в углу дата и время.

- Да уж! - выдохнула я.

- Угу, - кивнула Вера. - Получается, все оно про меня знает: где живу, куда хожу, во что одеваюсь. Вот жуть-то где! Поверь, я не убивала ни кота, ни Кирилла. Вернее, не планировала ничего подобного, не собиралась никого лишать жизни. Да такого просто не могло быть! И я не сумасшедшая! Просто ужас! Как в кино!

- А почему ты сегодня оказалась под диваном в примерочной кабинке «Зубастого арбуза»?

Вера прикрыла глаза.

- Оно позвонило и спросило: «Тебя еще не поймали? Странно. Хотя, наверное, просто не нашли основную улику».

– А ты как отреагировала?

Верочка скрючилась на стуле.

– Заплакала, стала умолять, мол, оставьте меня в покое. А затем сообразила и закричала: «Ну и какая улика?» И тут оно сказало: «Ты убила Кирилла, решила себя в порядок привести, вошла в бутик, схватила вешалку, вроде на примерку платье, в кабинке причесалась, кровь с рук платком оттерла и швырнула его под диван. Хочешь остаться в живых, иди, добывай сопливничек. И вообще, лучше тебе повеситься самой, а то в камере пожизненного заключения очень плохо!»

– И ты поверила в подобный бред?

Вера закивала.

– Ну нельзя же превращаться в идиотку, – вздохнула я, – ночью магазины закрыты.

– А вот и нет, «Зубастый арбуз» круглосуточный.

– Ладно, – кивнула я, – пусть так. Но почему продавцы разрешили ночью войти в пафосный бутик женщине с явными следами безумия на лице и с кровью на руках, а? Ты помнишь свой визит в магазин?

– Нет, – простонала Вера, – очнулась в домике на полу.

– Так какого черта ты туда вернулась, если побежала в бутик приводить себя в порядок?

– Понятия не имею.

– Ладно, есть еще вопросы. У них что, нет уборщицы? Платок спокойно лежал и ждал тебя? И еще. Вот ситуация с котом. Ты его схватила и убила пилкой, так?

– Выходит, да.

- Животное легко с жизнью не расстанется, думаю, несчастный Барсик сопротивлялся изо всех сил.

- Верно, все ноги мне расцарапал, колготки изодрал, - мрачно подтвердила Вера.

- Значит, твои ноги выглядели ужасно? - уточнила я.

- Ага, все в ссадинах были.

- Или в царапинах?

- Да какая разница! - отмахнулась собеседница.

- И все же попробуй вспомнить.

Вера прикусила нижнюю губу.

- Мне Кирилл все ранки зеленкой залил, - в конце концов сказала она, - и мазью какой-то замазал, противной. Вид был ужасный, потом пришлось в брюках ходить, но зажило быстро. Нет, ничего про внешний вид ран не скажу, а так - поболело и перестало.

- У тебя кошка когда-нибудь имелась? - поинтересовалась я.

- Нет, - помотала головой Вера. - Почему спрашиваешь?

- Сейчас объясню, только ответь еще на ряд вопросов. Руки у тебя после борьбы с котом не пострадали?

- Нет.

- Голова после смерти Кирилла болела хоть раз?

- Нет.

- Где ты лекарства от мигрени брала?

- В буфете, в ящичке.

- Не в аптеке?

- Ну... сначала, конечно, там, а затем уж дома.

- Значит, обезболивающие средства некоторое время лежали в буфете?

- Не бегать же всякий раз за таблеткой в аптеку, - вздохнула Вера, - да и не продают у нас анальгин порционно.

- Ясненько. Еще моментик. Ты очнулась в каком-то домике, у двери?

- Да.

- Кирилл лежал в углу?

- Да.

- Лицо в крови, из шеи торчит пилка?

- Да, да!

- Потом вспыхнул пожар?

- Да, да... Я... я... не помню!

- Ты зажигала спички?

- Нет.

- Точно?

- Да.

- Может, курила?

- Нет, нет.

- Так откуда огонь?

- Я... я... фонарик... У меня брелок на ключах, - напомнила Вера, - зажгла его, хотела подойти поближе к Кириллу, и тут - фрррр! Разом!

- Огонь не мог загореться от крохотного фонарика!

- Я читала про такое, - занервничала Вера, - искра проскочила, и дом на воздух взлетает! И оно так сказало!

- Это в случае, если в помещении есть газ. В домике пахло метаном?

- Чем? - растерялась Вера.

- Газом.

- Им - нет.

- Значит, имелся иной запах? Попробуй его определить!

Девушка занервничала:

- Чем-то знакомым, едким воняло.

- Думаю, бензином, - вздохнула я.

- Ой! Точно! Откуда знаешь?

Я откинулась на спинку стула.

- Вера, следи за моими рассуждениями. Голова у тебя раньше не болела, боли начались недавно, возникали спонтанно, а после приема лекарства тебя валило с ног в беспамятстве. Это одна сторона проблемы. Теперь вторая. Кота так просто не придушить, не заколоть, он расцарапает в кровь руки человека, который задумал убить его. В первую очередь пострадают именно руки, а вот ноги вряд ли. Кошачьи царапины, как правило, очень болезненные, с виду они не выглядят опасными, но зарастают долго, потому что глубокие. А у тебя на ногах имелись простые ссадины, зажившие, как ты сама сказала, быстро. Теперь три... Где был пакет с костюмом, когда ты очнулась в домике?

- Э... стоял около моей сумки!

- И что с ним случилось дальше?

Вера потерла ладонью лоб.

- Не помню!

- Попробуй. Давай восстановим ситуацию. Вспыхнул огонь, и ты...

- Схватив свою сумочку, бросилась вон.

- Следовательно, пакет остался в доме?

- Выходит, так.

- Но спустя несколько дней он появился за трубой на лестничной клетке?

- Ага.

- Чистый?

- Да.

- Не обгорелый?

– Не-а.

– И как подобное возможно?

– Не знаю, – прошептала Вера. – Оно почистило.

– Не носи чушь! – рявкнула я. – Есть лишь одно объяснение всему произошедшему. Некто начал подливать или подсыпать тебе лекарство, после приема которого с тобой случался обморок. Ты не убивала кота. Небось упала на тропинке, а личности, задумавшей преступление, понадобилось по пока непонятной нам причине переместить тебя в другое место. Тебя взяли под мышки и поволокли, колготки порвались, ноги поранились о корни деревьев и мелкие камешки. Кстати, убить маникюрной пилкой человека можно, но сложно. Кирилл сильнее тебя, навряд ли он спокойно подставит голову разъяренной фурии, норовящей ткнуть в шею железкой. Он легко мог скрутить тебя. Вспомни, ведь справился же в тот раз, когда ты якобы нанесла ему рану ножом.

– Да, – прошептала Вера.

– И уж очень предусмотрительно в домике оказался разлит бензин, – покачала я головой. – Прочитай моя редакторша Олеся Константиновна подобную сцену в книге Арины Виоловой, тут же бы заявила: «Ну и чушь! Напишите что-нибудь более правдоподобное». И уж ни в какие ворота не лезет рассказ про платок...

– Но вот он! – закричала Вера. – Гляди!

– Я не сомневаюсь в его наличии, смущает твое явление в «Зубастый арбуз» ночью, окровавленной. Нет, дорогая, тебя пугали нарочно, никого ты не убивала. Ни Барсика, ни Кирилла, если он, конечно, погиб.

– Ты о чем? – прошептала Вера.

Я отодвинула пустую чашку.

– Вера, попытайся оценить ситуацию спокойно и объективно. Ваш роман с Кириллом развивался стремительно, да? Насколько я поняла, Долгов пришел в институт и сразу в тебя влюбился?

Вера закивала.

- Ты у него дома бывала? - гнула я свое. - Видела родителей, говорила с ними по телефону?

- Не-а, - замотала головой Вера.

- Неужели ни разу не звякнула Кириллу по домашнему номеру?

- Только на мобильный.

- И до встречи с Долговым головных болей у тебя не было? А потом они появились, и ты стала терять сознание? А Кирилл тебя пугал рассказами об убитом коте и нападении на себя?

Опушкова заморгала.

- Ничего не понимаю, - выдавила она из себя наконец.

- Скажи, Вера, ты богата?

- Нет, конечно, - засмеялась девушка.

- Может, наследство в перспективе?

- От кого?

- Ну... тебе виднее.

Верочка улыбнулась:

- Живу в коммуналке, правда, в большой комнате, но ее все равно нельзя считать за шикарные хоромы, денег не имею, брюликов тоже. Отец и мать умерли, есть, правда, сводная сестра и Лена, она меня удочерила. Только денег нет и у нее, живет от зарплаты до аванса.

В моей сумке ожил мобильный, я вытащила аппарат и прижала к уху.

- Вилка, - защебетала Томочка, - ты где? Все готовы, стоим, можно сказать, на старте!

Я слегка удивилась: мы куда-то собрались? В полном составе? Но спрашивать подробности у подруги поостереглась, и так надо мной дома потешаются: то забуду про день рождения Семена, то не поздравлю Кристину с именинами.

- Скоро приедешь? - поинтересовалась Томочка.

- Извини, задержалась в издательстве, у Федора, - бойко соврала я, - сейчас принесусь!

- Где задержалась? - удивленно переспросила Томуська.

- У начальника отдела пиара и рекламы, - пояснила я, - тут небольшое совещание.

- Да? - с легким сомнением отозвалась подруга. - Ну, ладно.

Я запихнула трубку в карман и сказала Вере:

- Езжай домой и жди моего звонка.

- Мне страшно, - прошептала девушка. - Что делать?

- Запри комнату изнутри, никого не впускай в квартиру и не отвечай по телефону, если увидишь на определителе незнакомый номер. Вот тебе моя визитка, говори свои координаты.

- Записывайте... - дрожащим голосом сказала Вера. - Значит, я не убийца?

- Думаю, нет.

- Все подстроено?

– Полагаю, да.

– Кем?

– Хороший вопрос, но ответа на него пока нет. Вера, у меня кое-какие дела сегодня, а завтра начну заниматься твоей проблемой. Не волнуйся, я и не такие узлы распутывала. Спокойно сиди в квартире, не шлейся по улицам. Давай довезу до метро.

– Спасибо, спасибо, – закивала Вера. – Я послушная, я поняла: никуда и ни с кем не хожу, буду ждать твоего звонка. Знаешь, а ведь я уже самоубийство обдумала, решила: наемся снотворного и засну, не мучаясь. Вешаться страшно, из окна прыгать еще хуже, лучше таблетки...

– Вот ведь дурь! – улыбнулась я. – В общем, так. Отправляйся домой, ложись на диван, посмотри телик, а потом спокойно подумай: что у тебя есть ценного? Из-за чего кому-то понадобилось тебя со свету сживать? Может, кому на работе мешаешь?

Вера потрясла головой:

– Ничего у меня нет. Самое дорогое: хрустальная ваза в серебре, она старинная, от бабушки осталась. В библиотеке со всеми в хороших отношениях, кроме Регины, но она не из книгохранилища, а в отделе переводов работает. В общем, нет у меня врагов. Впрочем, и подруг мало.

– Иногда человеку кажется, что коллеги его обожают, – вздохнула я, идя к гардеробу, – а потом выясняется: благополучие лишь внешнее, на самом деле народ злобой исходит.

– Нет, – уперлась Вера, – если кто и задумал меня извести, то уж точно не библиотекарши, большинство из них мою маму помнят, а бабушка и вовсе институтская легенда.

– Не поняла, твои родственницы тоже работали в НИИ? – продолжала я расспрашивать девушку на пути к машине.

– Разве не сказала? – распахнула глаза Верочка. – Элла Дементьевна, ну та, что во время войны фонд спрятала, моя бабушка, а мамуля, Ирина Николаевна, всю жизнь в библиотеке проработала. У нас династия, нами гордятся, на всех совещаниях директор не забывает сказать пару слов о бабуле и мамочке, в пример их ставит молодым сотрудникам. Нет, на службе у меня врагов нет. Разве вот только Рената, той от ревности мозги заклинило, очень ей хотелось Кирилла на себе женить. Но Корсакова откровенная, она в лицо гадость скажет или там толкнет ненароком, а подковерные игры не в ее характере. И вообще, я же никому ничего плохого не сделала! Зачем меня пугать, а? И потом, если не я, то кто убил Кирилла? Кто?

За разговорами мы подъехали к станции метро, я притормозила и сказала девушке:

– Жди моего звонка. Если завтра в девять утра позвоню, не рано будет?

– Телефон около кровати поставлю, разбудишь – ничего страшного, – возразила Верочка. – Спасибо тебе. Знаешь, так плохо было в последнее время, словно на сердце плита бетонная лежала. Пыталась взбодриться, а толку нет, так и давит тяжесть. Правда, о самоубийстве подумывать начала.

– Немедленно выброси глупости из головы! – твердо приказала я.

– Считай, что уже забыла, – улыбнулась девушка, – мысли на место встали. Теперь уверена: никого я не убивала. Да просто не способна я на подобные поступки! Нет уж, так просто не сдамся, найду того, кто придумал это безобразие. Надеюсь, с тобой вместе мы во всем разберемся.

– Только без меня ничего не предпринимай. Это может быть опасно.

Вера кивнула:

– Йес! Жду звонка завтра в девять. Так, сейчас куплю себе в булочной пирожных и съем штук пять, не меньше. Господи, как хорошо, словно с души и правда тяжесть свалилась! Я никого не убивала, я не сумасшедшая, все подстроено! Даже аппетит появился, прямо зверский.

– Ну и хорошо, – улыбнулась и я. – Ты какие пирожные любишь?

– Бисквитные, со взбитыми сливками и фруктами! – с горящими глазами воскликнула Вера. – А еще «наполеон», эклеры, «картошку»! Все! Любые!

Помахав мне рукой, Верочка двинулась ко входу в метро, а я тихо покатила в сторону дома. В голове начали тесниться иные, не имеющие отношения к только что состоявшемуся разговору мысли. Что там у нас происходит? Вроде ни у кого дня рождения нет. Не потеряла ли я ярлычки, срезанные с одежды в «Зубастом арбузе»? Их надо сегодня же нашить на кофты, джинсы и, явившись в издательство, продемонстрировать Федору знак Боринелли. Впрочем, нет, фамилия кутюрье Фаринелли. Или так звали какого-то певца? Каретелли! Снова не так. Оранелли? Ну и ерунда лезет в голову... Лучше подумаю о сюжете новой книги!

Увы, господь не наделил писательницу Арину Виолу богатым воображением, мне слабо придумать правдоподобную криминальную историю. Но коли сама становлюсь участницей событий, потом, докопавшись до правды, я очень быстро пишу роман. У меня отличный слог, обширный запас слов и явный талант рассказчика. Вот только фантазия подводит. Жаль, не все способны понять мои проблемы. Если Олег просекает: жена, словно молодой пойнтер, идет по следу, он начинает злиться и всякий раз пытается притормозить мою активность. Решено, сейчас я никому и словечком не обмолвлюсь о знакомстве с Верочкой. Конечно, мне не повезло, в тот момент, когда господь раздавал желающим мешки с талантом воображения, Виола Тараканова оказалась в иной очереди и теперь не способна складно сочинить историю. Но знаете, за чем я в той, другой очереди стояла? За удачей! И получила ее полные карманы – мне везет на приключения, они подстерегают меня повсюду!

Глава 8

Я на своем новом джипе мирно ехала вдоль тротуара, но внезапно на полосе возник гаишник и повелительно замахал жезлом. Очень удивленная, я остановилась, попыталась опустить стекло, но опять не нашла ручку и распахнула дверь.

- Что случилось? - осведомилась я у парня в форме.

- Ваши права, - не пошел на контакт сержант.

Я показала пластиковую карточку.

- Документы на машину, - забубнил инспектор, - техосмотр... ага... ага...

- Да в чем дело? По какой причине остановили?

- Пили? Сколько?

- Я? Вообще не употребляю алкоголь. А уж за руль сесть, если бы выпила хоть каплю, даже и в голову не пришло бы!

- Угу, - протянул патрульный. - Ширялись? Или нюхали?

- Вы подозреваете меня в употреблении наркотиков? - изумилась я. - Ну не глупость ли... Я добропорядочная гражданка!

- Виолетта Леонидовна, откройте багажник! - приказал сержант, несусветно перековеркав мое имя, на что я не стала обращать внимания. Зачем сердить представителя властных структур, заставляя выговаривать мое и правда трудное имя-отчество?

- Не умею, - честно ответила я.

- Это как? - разинул рот парень.

- Мне только утром подарили машину, - принялась я растолковывать суть дела. - Ехать могу, а где в ней что открывается, пока не знаю. Даже стекло не получается опустить, ручку никак не найду.

На лице сержанта появилось выражение откровенной зависти.

– Мне бы так повезло! – хмыкнул он. – Теперь понятно. А то я смотрю – такой джип, и крадется у тротуара. Дураку понятно: либо водила пьян, либо обкурился. Вы в левый ряд перебирайтесь, ваше место там.

– Не умею гонять, другие шоферы гудеть начнут, я занервничаю.

Сержант засмеялся:

– Не, молча поедут. Когда вы на такой тачке, вас любой пропустит. Чуть что, фарами моргните, живо дорогу уступят.

Так вот в чем дело! Только сейчас я поняла, по какой причине мне сегодня на дороге попадались лишь крайне воспитанные люди. Не в их воспитанности, оказывается, секрет, а в моем новом транспортном средстве!

– А где тут управление фарами, знаете? – поинтересовалась я.

– Вот, на руле, – пояснил гаишник. – А багажник вон та кнопка открывает. Чтобы окошечки опустить, черную пимпочку потяните. А чего вы так странно сидите – на самом краю кресла? Неудобно же!

– Длины рук и ног не хватает, – грустно призналась я, – рост у меня подкачал. До руля и педалей едва дотягиваюсь.

Сержант начал вдруг кашлять. Потом, справившись с внезапным приступом коклюша, сказал:

– Так отрегулировать можно! Вот рычажочки, давайте покажу...

Спустя десять минут мы с парнем расстались почти друзьями. Сержант быстро сунул в карман выданную мной на радостях сторублевую бумажку, а я, удобно устроившись в мягком кресле, собралась выехать на дорогу. Как назло, по шоссе мчался плотный поток. Но гаишник поднял руку и сделал быстрое движение пальцами, после чего, правильно истолковав его жест, я несколько раз нажала на нужный рычажок. Джип послушно заморгал фарами, лента автомобилей мгновенно притормозила, и я, ощущая себя королевой дороги, вписалась в поток. Однако как просто! До сих пор я на своих ржавых «Жигулях» была этакой

автомобильной Золушкой, сейчас же стихийно превратилась в хозяйку трассы. Мало того, что мне уступают дорогу, так еще молчат, не гудят и не обзывают мартышкой за рулем!

Гордая до невозможности, я вкатилась в родной двор, припарковалась на самом удобном месте и поспешила домой.

Дверь открыл Олег.

- Ты дома? - удивилась я.

- А ты где носишься? - вопросом на вопрос ответил муж.

- В издательстве сидела, - лихо соврала я. - Федор просто замучил, концепцию рекламной кампании составлял, голова кругом пошла...

Поток моей бодрой лжи прервал странный звук - такой, словно стадо слонов тащит тяжело груженные санки. Потом послышался чей-то очень знакомый голос: «Уроните - урою!» - и дверь, ведущая в гостиную, распахнулась.

Я замерла с открытым ртом. Двое работяг в синих комбинезонах выдвигали в коридор здоровенный короб, сзади виднелся... Федор.

- Привет, лапа! - помахал он мне и накинулся на грузчиков: - Ну, уроды косорукие, давай на раз-два!

- Это ты с ним весь день просидела на совещании? - с ехидством профессионального следователя осведомился Куприн.

- Э... о... а... - глупо заулыбалась я.

Как назло, ничего достойного для ответа на ум не приходило. Говорила уже вам, что не обладаю талантом фантазерши, могу лишь солгать по мелочи.

- Ты видел ее джип? - крикнул Федор.

Глаза Куприна загорелись.

- Нет.

Я, страшно обрадованная тем, что супруг забыл о моей маленькой невинной лжи, протянула ему ключи.

- Спускайся, машина на парковке.

Олег убежал, я накинулась на Федора:

- Зачем пришел?

Федор ухмыльнулся:

- Лапа, если врешь мужу, то сначала убедись, что рядом нет никого, способного разоблачить твоё алиби. Ай-яй-яй, нехорошо! Кстати, анекдот в тему. Муж поймал жену с любовником, выбросил парня в окно и идет к супруге, повторяя: «Ну и что с тобой сделать? Повесить? Задушить? Утопить?» - «А ты меня рогами заколи», - фыркнула нахалка. Ну как? Смешно?

- Я не изменяю мужу!

- Все, все, не спорю. Мы с тобой весь день просидели на совещании, просто Федька сумел раздвоиться, одна его часть маялась в переговорной, другая орудовала в квартире у писательницы Виоловой.

- Немедленно прекрати паясничать и объясни происходящее! - гаркнула я.

Федор потер руки.

- Вот видишь, лапа, умеешь, если захочешь, звездить. А то утром в кабинете плакалась: «Не получается нос задирать». А что, уже суперски выходит, молодец. Еще чуток потренируешься на мне, затем элементарно с журналюгами справишься. Объясняю: вы переезжаете!

– Куда?

Пиарщик погладил себя по голове.

– Феденька хороший, заботливый, умный... Феденька узнал, что великой Арине Виоловой негде жить во время ремонта, Феденька подсуетился, Феденька не хочет позора, Феденька не желает видеть в газетах фотку нашего подзвездка, выползающего из покосившегося сарая с ночным горшком в писательских пальчиках... Феденька нашел дом! Пока Арина с Феденькой парилась на совещании, астральное тело Феденьки прилетело в квартиру и все организовало: собиральщиков тряпок, завязывальщиков коробок, перетаскивальщиков хабара, водителей, распаковщиков барахла... Усё тип-топ! Осталось лишь подхватить Аришеньку и показать ей дорожку.

Я заглянула в открытую дверь, увидела абсолютно пустую гостиную и ахнула:

– Хочешь сказать, что за то недолгое время, которое я провела... э... покупая модные вещички, ты сумел найти нам жилье и организовать переезд?

– Угу, – кивнул Федор, – именно это я и хочу сказать. Мало того, что ваши дрова, то бишь столы, стулья и прочая, прочая, прочая, уже катят на склад... Я, лапа, волшебная палочка, исполнитель желаний!

– Невероятно.

– Элементарно, – пожал плечами пиарщик. – То, что идиот в единичном количестве и за год не соберет, сорок кретинов в течение часа по коробкам растолкают. Поехали!

– Куда?

– Так в домик же! – захихикал Федор и заговорил вдруг с акцентом: – Тут близэнько, на Ленинградском шоссе, чуток впэред. Мамо, шэвэлитэся!

Спустя примерно два часа мы все, притихнув, словно нашалившие дети, заходили в просторный дом в сопровождении маленького черноволосого дядечки.

– Разрешите представиться, – суетливо завел, встретив нас, мужчина: – Управляющий поселком «Рассвет» Эдуард Сергеевич. Лучше просто Эдик. Мы счастливы приветствовать у себя семью нашей замечательной, потрясающей, обожаемой писательницы Арины Виоловой и искренно надеемся, что она отразит в своих произведениях...

– По делу говори! – оборвал Эдика Федор. – Про дом поконкретней!

Эдик закатил глаза:

– Новые технологии! Вам ничего не надо делать!

– В смысле? – удивился Олег.

Эдик ринулся в коридор.

– Смотрите – темно?

– Да, – кивнул Куприн.

Управляющий хлопнул в ладоши, мигом вспыхнул свет.

– Супер! – заорала Кристина. – А телик тут есть?

– Обижаешь, девочка, – надулся Эдик. – Плазменные панели повсюду, даже в туалетах, СД-плееры, массажные кровати, программируемые кухонные приборы... Вперед, начнем знакомство!

Не прошло и получаса, как меня стало интенсивно подташнивать. Только на кухне нашлось немыслимое количество бытовой техники: пароварка, кофемашина, плита, духовка, СВЧ-печка, электромясорубка, хлеборезка, автоматическая открывалка для банок, сокодавка, бутербродница, фритюрница, тостер, ростер, яйцеварка... Дальше – больше. В чулане стояли три стиральных агрегата, один сушильный и доска для глажения с утюгом, больше похожим на истребитель. Во всяком случае, пульт его управления выглядел так же, как приборная доска последнего «МиГа», – повсюду лампочки, стрелочки и непонятные надписи. Окончательно добили меня комнатные двери. Они не

имели ручек, следовало сказать: «Войти», – и створка медленно открывалась, а спустя пару секунд тихо закрывалась. Дом явно был живым организмом.

Остаток вечера я провела в отведенной лично мне комнате. Эдуард даже не сомневался, что мы с Олегом ляжем спать в разных спальнях. Кстати, муж несказанно обрадовался, узнав, что временно лишается общей кровати.

– Наконец-то выплусь! – потер ладони Куп-рин. – Никто не станет стягивать с меня одеяло и храпеть над ухом!

У меня от негодования перехватило горло.

– Я сплю, как птичка! – пропищала я.

– Ага... – захихикал Семен. – Каждое утро вздрагиваю, когда мимо вашей спальни иду, такие рулады из нее доносятся!

– Это Олег! – возмутилась я. – Он располнел и поэтому издает во сне жуткие звуки!

– А еще она любит есть в кровати, и потом вся простыня бывает в крошках, – пожаловался Куп-рин.

Я обиделась и ушла в свою спальню. Села на кровать, потом, решив чуть-чуть отдохнуть в тишине, легла... и неожиданно заснула.

Наконец-то пришло лето! Как приятно лежать на надувном плоту посередине водной глади, волны легко покачивают тело... Неожиданно матрас задержался слишком сильно, я в испуге вцепилась в него руками и поняла: мне приснился сон, на самом деле нахожусь дома, в комнате темнота. Интересно, который час?

Правая рука привычно потянулась в сторону, но вместо будильника, всегда стоящего на тумбочке, пальцы наткнулись на стену. Я изумилась: мы разве передвинули кровать?

Глаза привыкли к темноте и различили совершенно незнакомую мебель, тяжелые гардины, ковер. Еще через секунду я все-таки вспомнила про переезд, успокоилась, потянулась и ощутила легкое покачивание. Это был не сон – матрас на самом деле потряхивало!

Некоторое время я пыталась заснуть, но потерпела поражение. Есть люди, которым нравится дремать в купе скорого поезда или на океанском лайнере, их успокаивают мерные движения, а меня от них начинает мутить. Хм, а почему сейчас кровать дрожит, словно вымокшая под дождем мышь? Что там управляющий Эдик рассказывал про массажный матрас? Если можно включить режим «убаюкивания», то его явно легко и выключить...

Я присела, увидела вмонтированную в изголовье коробочку с разноцветными кнопками и наугад ткнула в красную. Логика рассуждений была проста: все зеленые, как правило, включающие, ну а «пожарные» – выключающие.

Подрагивание матраса прекратилось. Но не успела я порадоваться собственному уму и сообразительности, как койка затряслась с утроенной силой. Лязгая зубами, я с огромным трудом дотянулась до панели управления и нажала теперь на оранжевую кнопку. Нижняя часть ложа незамедлительно приняла почти вертикальное положение, отчего мои ноги задралась вверх. Обозлившись, я воспользовалась желтой кнопкой. Постель заскрипела, и ноги с головой поменялись местами, то есть я приняла сидячее положение, а из стены не пойми каким образом выехал столик.

Я стукнула кулаком по пластиковой столешнице, та с обиженным писком убралась в еле заметную щель, а мои глаза заметили в противоположном от пульта конце спинки идиотской постели здоровенную клавишу ярко-алого колера. Вот оно, выключение обезумевшей койки! Большой палец правой руки вдавил полоску в дерево. Я ожидала, что матрас станет ровным, укачивание прекратится и можно будет спокойненько свернуться калачиком под пуховым одеялом. Ан нет! Меньше чем за секунду кровать перевернулась, я оказалась в ящике для белья, и матрас, хлопнувшись сверху, отрезал возможность вылезти.

– Эй! – заорала я. – Спасите! Люди! Помогите! Кто-нибудь!

С таким же успехом можно, наверное, звать на помощь в открытом космосе. Оставалась лишь одна надежда: может, утром кто-нибудь из домашних

сообразит, что Вилка не выходила из своей комнаты, и пойдет проверить, все ли у нее в порядке. Интересно, хватит ли в ящике воздуха до утра? Представляю, как обрадуется газета «Желтуха»! Да она полгода потом станет сыпать заголовками, вроде: «Тело писательницы Виоловой нашли под матрасом»; «Арина превратилась в мумию»; «Кто всунул великую детективщицу в ящик для белья?». (Я давно заметила: если умирает какой-нибудь третьесортный актеришка или музыкант, «Желтуха» мигом приклеивает ему ярлык «великий»).

Нежелание стать поводом для языковых упражнений прессы придало мне сил. Я треснула кулаком по одной из стенок тюрьмы и заорала:

– Черт побери, откройся!

Повеяло свежим воздухом – ящик плавно выехал из-под деревянного основания ложа. Я выскочила наружу и увидела, что матрас аккуратно застелен одеялом, прикрыт накидкой, а в изголовье торчат установленные башней подушки.

Решив больше не экспериментировать с кроватью, я попыталась включить свет. Не нашла ничего похожего на выключатель, подошла к двери и не обнаружила ручку. Ладони уперлись в створку, но тяжелая, похоже, цельномассивная дубовая панель не шелохнулась. Я покопалась в памяти: как Эдик открывал вход? А!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/darya-doncova/monstry-iz-horoshey-sem-i>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)